

KRAKOW
MEETINGS JUNE 2-5 2019
KRAKOW **KRAKOW**
CONFERENCES **BENEDICTINE**
ON RUSSIAN **ABBAY**
PHILOSOPHY **IN TYNIEC**

VLADIMIR
SOLOVIEV
THE METAPHYSICS
OF LOVE

BOOK OF ABSTRACTS

**International Conference
Krakow Meetings 2019**

**June 2-5 2019
Benedictine Abbey in Tyniec
Krakow, Poland**

**VLADIMIR
SOLOVIEV**
THE METAPHYSICS
OF LOVE

BOOK OF ABSTRACTS

ORGANIZERS

Pontifical University of John Paul II in Krakow
Instituto de Filosofia Edith Stein in Granada
International Center for the Study of the Christian Orient in Granada
Committee on Philosophical Sciences of the Polish Academy of Sciences
Copernicus Center for Interdisciplinary Studies

HONORARY PATRONAGE

Committee on Philosophical Sciences of the Polish Academy of Sciences

ACADEMIC BOARD

Teresa Obolevitch | Krakow
Artur Mrówczyński-Van Allen | Granada

ADVISORY BOARD

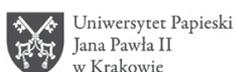

Prof. Gennadii Aliaiev | Poltava
Prof. Konstantin Antonov | Moscow
Prof. Anatoly Chernyaev | Moscow
Prof. Rev. Pavel Khondzinskii | Moscow
Prof. Marcelo López Cambronero | Granada
Prof. Randall Poole | Duluth
Dr Paweł Rojek | Krakow
Prof. Daniela Steila | Turin

CONFERENCE SECRETARIES

Alexander Tsygankov | Moscow
Karolina Fiutak | Krakow

KEYNOTE LECTURES

■

George Pattison | Glasgow
Alexey Kozyrev | Moscow
Mikhail Maksimov | Ivanovo

VLADIMIR SOLOVIEV: THE METAPHYSICS OF LOVE

From Godmanhood to Nuptial Mystery. Free Theosophy, Free Theocracy and Free Theurgy

---

Based on Soloviev works, we are going to discuss the different aspects of our general topic:

1. The concept of all-unity
2. The contemporary significance of the project of Integral knowledge
3. Free Theocracy and democracy
4. Love as man's integrality
5. Consecration of the flesh
6. The religious meaning of creativity

PROGRAM

SUNDAY

June 2, 2019

19.30

Supper

MONDAY

June 3, 2019

9.00

OPENING OF THE CONFERENCE | St. Petrus Hall

Rev. Szymon Hiżycki OSB, The Abbot of Tyniec Monastery

Rev. Marek Urban, Vice-dean of the Faculty of Philosophy at the Pontifical University of John Paul II in Krakow

Sr. Teresa Obolevitch, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Head of the Organizing Committee

Miglė Miliūnaitė, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Lithuanian Academy of Music and Theatre

**Johann Sebastian Bach, *Italian Concerto in F Major, BWV 971*
1st movement (*Allegro*)**

Section 1 | St. Petrus Hall, chair: Anatoly Chernyaev

9.20

Alexey Kozyrev, Lomonosov Moscow State University, Russia

Этос преобразенного эроса: ранний и поздний Соловьев

10.00

Mikhail Maksimov, Ivanovo State Power Engineering University, Russia

Владимир Соловьев и Максим Исповедник: Метафизика и богословие любви

10.40

Coffee break

11.00

Rev. George Pattison, University of Glasgow, UK
Soloviev on the Evolution and Metaphysics of Love

11.40

Discussion

Presentations | St. Petrus Hall, chair: Gennadii Aliaiev

12.10–12.25

Mikhail Maksimov, Ivanovo State Power Engineering University, Russia
“Соловьевские исследования”

12.25–12.40

Rev. George Belkind, Educational Fund of Brothers Sergey and Evgeny
Troubetski's, Russia
Соловьевская комната в Узком

12.40–12.55

Elena Takho-Godi, M.V. Lomonosov Moscow State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, Russia
*Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века.
К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018.
548 с. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2)*

13.00–14.00

Lunch

Section 2a | St. Paulus Hall, chair: Jan
Krasicki

Section 2b | St. Barnabas Hall, chair:
Alexei Nesteruk

14.30

**Anatoly Chernyaev, Alexander
Tsygankov**, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia
*Современная рецепция философского
наследия В.С. Соловьева в России
и за рубежом: сравнительный взгляд*

14.30

Randall A. Poole, College of
St. Scholastica, USA
*Humanity, Divinity, and All-Unity in
Vladimir Solov'ëv's Critique of Abstract
Principles*

15.00

Lilianna Kiejzik, University of Zielona Gora, Poland

Георгий Флоровский о Владимире Соловьеве – на основании неопубликованных писем к брату Антону

15.30

Timofej Murasov, Vilnius University, Lithuania

Проблема связи всеединства и единичности в контексте критики философии Владимира Соловьева Львом Шестовым

16.00

Discussion

15.00

Jeremy Pilch, St Mary's University, Strawberry Hill, UK

Vladimir Solov'ev and "Free Theocracy": Building a Christian Society

15.30

Regula Zwahlen, University of Fribourg, Switzerland

Sergii Bulgakov and the Concept of Theocracy in the Post-Constantine Era

16.00

Discussion

16.30–17.00

Coffee break

Section 3a | St. Paulus Hall, chair: Andreas Buller

17.00

Elena Besschetnova, National Research University Higher School of Economics, Russia

Вл.С. Соловьев и Святой престол: документы Архивов Ватикана

17.30

Inga Matveeva, Russian State Institute of Performing Arts, Russia

Религиозные воззрения Л. Толстого и Вл. Соловьева: единство и расхождение

Section 3b | St. Barnabas Hall, chair: Lenka Naldoniová

17.00

Igor Evlampiev, St. Petersburg State University, Russia

Образ Иисуса Христа в творчестве Ф. Достоевского и Вл. Соловьева

17.30

Jan Krasicki, University of Wroclaw, Poland

Богочеловечество или Богочеловек? В.С. Соловьев и Ф.М. Достоевский

18.00

Svetlana Panich, St. Andrews Biblical
Theological Institute, Russia
*Соловьев и Рабинович: к проблеме
иудео-христианских отношений
в религиозной мысли Владимира
Соловьева*

18.30

Elena Tverdislova, Institute of
Scientific Information on Social
Sciences Russian Academy of Sciences,
Russia – Israel
*Идеи мессианства Владимира
Соловьева как проект религиозного
всеединства*

19.00

Discussion

18.00

Mikhail Blumenkrantz, Germany
*Между добром и свободой: тема Анти-
христа у Вл. Соловьева, Ф. Достоевско-
го и Ф. Ницше*

18.30

Victor Chernyshov, Poltava Yuriy
Kondratyuk National Technical
University, Ukraine
*Anticipating the Coming Evil: Vladimir
Soloviev's Eschatology
(Christ vs Antichrist)*

19.00

Discussion

19.30

Banquet | St. Petrus Hall

Miglė Miliūnaitė, The Pontifical University of John Paul II in Krakow,
Lithuanian Academy of Music and Theatre
Johann Sebastian Bach, French Suite No. 4 in E-flat Major, BWV 815
Allemande
Courante
Sarabande
Gavotte
Menuet
Air

TUESDAY

June 4, 2019

Section 4a | St. Petrus Hall, chair:
Svetlana Panich

8.30

Rev. George Belkind, Ksenia Ermishina, Boris Mezhuev, Educational Fund of Brothers Sergey and Evgeny Troubetskis, Russia
Философия дружбы: Соловьев и братья Трубецкие

9.00

Viktor Troitskii, Library of History of Russian Philosophy and Culture "A.F. Losev's House", Russia
Вл. Соловьев в оценках и суждениях Вас. Розанова: опыт историко-типологического портрета

9.30

Gennadii Aliaiev, Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University, Ukraine
"Соловьев достаточно значителен, чтоб выдержать правдивую и критическую оценку": доклад С. Франка о Вл. Соловьеве 1925 года

10.00

Discussion

Section 4b | St. Paulus Hall, chair:
Rev. Pavel Khondzinskii

8.30

Konstantin Antonov, St. Tikhon's Orthodox University, Russia
Идея "христианской политики"
Вл. Соловьева как проект политической теологии

9.00

Ksenia Vorozhikhina, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia
Проблема взаимоотношений Церкви и государства: В.С. Соловьев и иеромонах Антоний (Храповицкий)

9.30

Irina Katsapova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia
Своеобразие теоретического наследия В. Соловьева: философия права

10.00

Discussion

10.30–11.00

Coffee break

Section 5a | St. Paulus Hall, chair:
Randall A. Poole

11.00

Alexei Nesteruk, University of Portsmouth, UK; Russian Christian Academy of Humanities, Russia

The Excess of Theanthropic over Theological in Vladimir Soloviev's Incarnational Anthropology as an Hermeneutics of the Unknowability of Man (Consequences for the Faith-Reason Dialogue)

11.30

Paraskevi Zacharia, Radboud University, Nijmegen, The Netherlands

Neoplatonic Aspects of Human Perfection as Elaborated in Vladimir Soloviev's "The Meaning of Love"

12.00

Lenka Naldoniová, University of Ostrava, Czech Republic

The Comparison Between Soloviev's Idea of Unitotality and Vernadsky's Noosphere

12.30

Discussion

Section 5b | St. Barnabas Hall, chair:
Bernard Marchadier

11.00

Atsushi Sakaniwa, Waseda University, Japan

Соловьев и Тютчев: Еще одно совпадение понятия любви

11.30

Tatiana Sidorina, Higher School of Economics National Research University, Russia

Эсхатология и утопия в русской философской мысли конца XIX – начала XX в.: Вл. Соловьев и Н. Федоров

12.00

Françoise Lesourd, Jean Moulin University Lyon 3, Lyon, France

Владимир Соловьев как собеседник Николая Федорова в "Смысле любви"

12.30

Discussion

13.00–13.45

Lunch

13.45–14.40

Excursion to the Abbey museum

Section 6a | St. Paulus Hall, chair:
Viktor Troitckii

14.40

Andreas Buller, Ministry of Social Affairs and Integration Baden-Württemberg, German; The State Academic University for the Humanities in Moscow, Russia
Этика чувств В.С. Соловьева в контексте западноевропейской философии

15.10

Vladimir Sidorin, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

*Новейшие исследования по этике
Вл. Соловьева в Германии*

15.40

Halina Rarot, University of Technology Lublin, Poland
*Интегральная концепция любви
(Штернберг, Соловьев, Войтыла)*

16.10

Discussion

Section 6b | St. Barnabas Hall, chair:
Natalia Vaganova

14.40

Janusz Dobieszewski, University of Warsaw, Poland
“Теоретическая философия” Владимира Соловьева – к феноменологии?

15.10

Ruslan Loshakov, Institute for Russian and Eurasian Studies (Uppsala), Sweden
Феноменология опыта Владимира Соловьева

15.40

Daniil Anikin, Saratov State University, Russia
Смысл любви и антропологическое измерение философии истории

16.10

Discussion

16.40–17.00

Coffee break

Section 7a | St. Paulus Hall, chair:
Atsushi Sakaniwa

17.00

Natalia Vaganova, St. Tikhon's Orthodox University, Russia
Софийный миф Владимира Соловьева: эзотерическая и экзотерическая версии, или туда и обратно

Section 7b | St. Barnabas Hall, chair:
Elena Besschetnova

17.00

Elena Knorre, St. Tikhon's Orthodox University, Russia
Путь в невидимый град: Соловьевский и платоновский миф в дневниках М. Пришвина 1910–1930-х годов

17.30

Ekaterina Dmitrieva, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia

Роковое разделение души и тела, вопрос о софианстве и русская беллетристика начала XX века

18.00

Rev. Pavel Khondzinskii, St. Tikhon's Orthodox University, Russia

"На языке софиологии": От триадологии В.С. Соловьева к триадологии о. Сергия Булгакова

18.30

Discussion

17.30

Lada Shipovalova, St. Petersburg University, Russia

Идея цельного знания В.С. Соловьева в контексте современной эпистемологии добродетели

18.00

Rev. Aleksander Posacki, Catholic Church, Kazakhstan

Владимир Соловьев и эзотеризм

18.30

Discussion

19.00

Supper

WEDNESDAY

June 5, 2019

Section 8a | St. Paulus Hall, chair:
Ruslan Loshakov

8.30

Bernard Marchadier, Retired International Civil Servant (United Nations), Paris, France

Любовь и брак в "Оправдании добра" В. Соловьева

9.00

Zhanna Sizova, Association "Russian Culture", Russia

The Idea of Beauty in Philosophy of

Section 8b | St. Barnabas Hall, chair:
Halina Rarot

8.30

Viktor Okorokov, Oles Honchar, Dnipro National University, Ukraine
Архетипичность родового сознания Владимира Соловьева

9.00

Tatiana Litvin, The Russian Christian Academy of the Humanities, Russia
Теократия Ordo amoris в контексте постмодернистской онтологии

V. Soloviev (*"Beauty In Nature", 1889*)
and in the Novel of Z. Smith *"On Beauty"*
(2005). *A Comparative Analysis*

9.30

Victoria Kravchenko, Moscow
Aviation Institute (National Research
University), Russia

*Философия любви Вл. Соловьева: от
Платоновского эроса к вселенской
сизигии*

10.00

Discussion

9.30

Vladimir Chernus, National Research
University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

*Проблема онтологизации сознания
в философии В.С. Соловьева*

10.00

Discussion

10.30–10.50

Coffee break

Section 9a | St. Paulus Hall, chair:
Randall Poole

10.50

Daniele Serretti, ITC "C. Battisti"
Fano, Italy
*The Dynamics of Love in Philosophy of
Solovyov*

11.20

Ondrej Marchevsky, University of
Presov, Slovakia
*How to Make Our Love Real or Sexual
Love and the Problem of the Other in the
Philosophy of V.S. Soloviev*

11.50

Frederic Tremblay, University of So-
fia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria
Ontologism in Vladimir Soloviev

Section 9b | St. Barnabas Hall, chair:
Victoria Kravchenko

10.50

Natalya Shelkovaya, Volodymyr
Dahl East Ukrainian National University,
Ukraine

*Концепция всеединства: от Плотина до
Вл. Соловьева*

11.20

Aleksandra Berdnikova, Institute of
Philosophy, Russian Academy of
Sciences, Russia

*Учение В.С. Соловьева о человеке
в рефлексии А.С. Глинки (*
Волжского)

11.50

Elena Takho-Godi, M.V. Lomonosov
Moscow State University; A.M. Gorky

12.20
Discussion

Institute of World Literature Russian
Academy of Sciences, Russia
*Соловьевские традиции в "Философии
любви" А.Ф. Лосева*

12.20
Discussion

12.50
Closing remarks of the conference | St. Petrus Hall

Miglė Miliūnaitė, The Pontifical University of John Paul II in Krakow,
Lithuanian Academy of Music and Theatre
Francis Poulenc, French Suite
Bransle de Champagne Novelette in C Major No. 1

13.00–13.45
Lunch

14.30
Philosophical Walk

- Bishop Mateusz's Grave in Wawel Cathedral (Wawel 3)
  - Bishop Karol Wojtyła's house (ul. Kanonicza 21)
- Prof. Michał Heller's Copernicus Center and De Revolutionibus Books & Café (ul. Bracka 14)
  - Soloviev in Krakow (ul. św. Jana 20)
- Jerzy Nowosielski's Icons in Orthodox Church (ul. Szpitalna 20).

It will be possible to leave luggage in a safe place for a time of the Walk (until 18.00). Bus departs at 14.30 from the gate of the Abbey.

KEY INFORMATION

Internet Access

Cable Internet in the rooms
Wi-Fi Lectorium, no password

Social Media

facebook.com/krakowmeetings
instagram.com/krakowmeetings

Taxi iCar

+48 12 653 5555

Roman Turowski

+48 794 623 839

Organizers

The Pontifical University of John Paul II in Krakow
Instituto de Filosofia Edith Stein in Granada
International Center for the Study of the Christian Orient in Granada
Copernicus Center for Interdisciplinary Studies

Honorary Patronage

Committee on Philosophical Sciences of the Polish Academy of Sciences

Academic Board

Teresa Obolevitch | Krakow
Artur Mrówczyński-Van Allen | Granada

Conference Secretaries

Alexander Tsygankov | Moscow
Karolina Fiutak | Krakow

A B S T R A C T S

Gennadii Aliaiev

Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University

“СОЛОВЬЕВ ДОСТАТОЧНО ЗНАЧИТЕЛЕН, ЧТОБ ВЫДЕРЖАТЬ ПРАВДИВУЮ И КРИТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ”: ДОКЛАД С. ФРАНКА О ВЛ. СОЛОВЬЕВЕ 1925 ГОДА

Вопрос о влиянии Вл. Соловьева на философскую эволюцию С. Франка и об общем соотношении идей этих двух крупнейших русских мыслителей представляет несомненный историко-философский интерес (ярким примером такого интереса может служить книга Т. Оболевич *“Problematyczny konkordyzm”*, посвященная проблеме соотношения веры и знания в мысли Соловьева и Франка). Сам Франк в конце жизни признавал себя последователем Соловьева в смысле оправдания идеи Богочеловечности, однако замечал, что влияние Соловьева было на него скорее бессознательным, и уяснилось ему только в процессе написания последней книги *“Реальность и человек”*. Однако можно утверждать, что процесс “уяснения” Франком религиозно-философских идей Соловьева происходил едва ли не на протяжении всего его философского развития. Не касаясь здесь дореволюционного периода, обратим внимание на середину 20-х годов, когда проблемы соотношения философии и религии, религии и науки, религиозных основ общественности и оцерковления мира выходят на первое место в публикациях и выступлениях Франка.

Одновременно мы можем фиксировать усиление его интереса к фигуре Соловьева и его месту в истории русской мысли. Уже в докладе *“Russische Weltanschauung”*, прочитанном 26 мая 1925 г. в Берлинском отделении Кантовского общества, Франк говорил о глубоком духовном перевороте, который был начат Соловьевым и подхвачен “большинством оригинальных русских мыслителей”, и теперь “ведет к дальнейшему обогащению и углублению религиозного понимания жизни и культуры”. При этом религиозно-философское мировоззрение Соловьева Франк определял как панентеизм – именно так, в отличие от теизма и пантеизма, он вскоре определит и свое собственное мирозерцание. А 15 ноября 1925 года состоялось открытое заседание берлинского отделения Религиозно-философской академии, посвященное памяти Вл. Соловьева, – заметим, что в этот период Франк фактически руководил РФА в Берлине. На заседании выступили кн. А.Д. Оболенский с воспоминаниями о духовном облике Соловьева, Ю.И. Айхенвальд с докладом “Вл. Соловьев как художник”, а также Франк с докладом “Вл. Соловьев как религиозный мыслитель”. Краткое содержание выступлений содержит отчет в берлинской газете “Руль”, однако в фонде С.Л. Франка в Бахметевском архиве сохранился и его конспект этого выступления. Этот текст до сих пор не был атрибутирован ни составителями архива (он попал в папку с машинописью статьи 1950-го года “Духовное наследие Вл. Соловьева”), ни исследователями, поскольку не имеет точного названия и авторской датировки. Однако сверка его содержания с газетным отчетом, как и само это содержание, убеждает, что перед нами именно конспект доклада Франка 15 ноября 1925 г. “Вл. Соловьев как религиозный мыслитель”. Конспект расшифрован и готовится к публикации. Он позволяет точнее определить харак-

тер отношения Франка к Соловьеву в этот период, когда сам Франк только подходил к религиозно-философскому переосмыслению своей системы абсолютного реализма. Конспект отражает по-прежнему критическое отношение Франка к ряду особенностей Соловьева как мыслителя (впрочем, от его идеализации Франк был свободен как в ранний, так и в поздний период своего творчества) – главным образом, к его отвлеченному рационализму. Преодолев рационализм в содержании своей мысли, Соловьев, по словам Франка, сохранил его в форме своего творчества: “Его міросозерцание состоит из готовых религиозных интуиций и из отвлеченных рационалистических построений. Разум не есть в нем живой орган философской мысли, а послушное орудие, осуществляющее готовые интуиции”. Вместе с тем, эта критика означала одновременное признание непреходящей заслуги Соловьева в деле “христианизации мысли и жизни”, в “постижении христианства, как религиозно-метафизической интуиции”, в центре которой – Богочеловек Иисус Христос: “Трудности Соловьева – наши непреодолимые трудности. Если видим его недостатки, то потому, что стоим на его плечах. – Основной завет: ‘Богочеловечество’”. Доклад Франка о Соловьеве 1925-го года уже фиксирует, таким образом, существенное продвижение Франка к оправданию идеи Богочеловечности и уяснению влияния на него Соловьева, о чем он определенно писал более двадцати лет спустя.

Obolevitch, T. 2006. *Problematyczny konkordyzm: wiara i wiedza w myśli Włodzimierza S. Sołowjowa i Siemiona L. Franka*. Tarnów.

Frank, S. 1926. *Die russische Weltanschauung*. Charlottenburg.

Frank, S.L. 1997. *Real'nost' i chelovek*. Moskva.

Alyaeв, G.E. 2008. S. Frank i Vl. Solov'ev: “peresmotr naslediya”. *Solov'evskie issledovaniya*. No. 16. S. 205–218.

Alyaeв, G.E. 2017. S. Frank: Podgotovka Antologii Vl. Solov'eva. *Solov'evskie issledovaniya*. No. 53. С. 6–55.

Vecher pamyati V.S. Solov'eva. 1925. *Rul'*. No 1513. S. 6.

Daniil Anikin

Saratov State University

СМЫСЛ ЛЮБВИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Философия любви В.С. Соловьева не только содержит в себе отсылку к трансцендентному бытию, но и демонстрирует сложную комбинацию модусов темпоральности. Сама по себе идея времени в христианской философии не нова. Впервые подобный вопрос был поставлен еще Августином Блаженным, уже тогда противопоставившим временность тварного мира вечности божественного существования, а также сформулировавшим неразрывную связь модусов прошлого и будущего в настоящем. Но для Соловьева темпоральность человеческого существования раскрывается через призму любви, приобретая, тем самым, и вневременное измерение. Идеальная любовь не совпадает с любым актом любви, имеющим место в действительности. В этом смысле она не принадлежит настоящему, представляя собой лишь проект будущего, когда человек окажется способен осуществить этот идеал на практике. Но парадокс заключается в том, что нацеленность на подобную перспективу делается возможной за счет наличия образов любви в прошлом, из которых обычно индивид и черпает представления о любви. Но Соловьев предостерегает от неправильной трактовки тех образов, которые являются порождением конкретной исторической эпохи со всеми ее заблуждениями и искажениями. Даже рыцарские истории любви, с его точки зрения, являются бесплодными, если подражать в них лишь внешней форме, а не пытаться отыскать то внеисторическое содержание, которое пытались схватить в своих произведениях средневековые миннезингеры. Невозможность обретения идеала стала источником разочарования и сомнения в наличии самого идеала, что стало наследием рыцарской эпохи. Но вопрос, по Соловьеву, заключается в смещении акцентов, при котором идеал любви оказывается достижим только при преодолении человеком своего индивидуализма.

Субъектом подобной любви и, соответственно, проводником сквозь тернии временности к звездному небу вечности становится не единичный человек, а личность, воплощающая в себе не только индивидуальные аспекты земного существования, но и универсальные свойства человеческой природы. Преодоление временности в человеческом сознании посредством любви становится способом устранения состояния отчуждения мира от Бога, что позволяет ставить вопрос об онтологическом, а не гносеологическом смысле философско-исторических штудий. Впоследствии именно эта линия развития взглядов Соловьева стала предметом исследования для Л.П. Карсавина.

Solov'ev, V.S. 1991. Smysl lyubvi. In V.S. Solov'ev. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1912. Iz filosofii istorii. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 6. Sankt-Peterburg.

Avustin Blazhennyy. 2012. *Ispoved'*. Moskva.

Karsavin, L.P. 1993. *Filosofiya istorii*. Moskva.

Konstantin Antonov

St. Tikhon's Orthodox University

ИДЕЯ “ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ” ВЛ. СОЛОВЬЕВА КАК ПРОЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ

В докладе предлагается опыт анализа богословских предпосылок и коннотаций политического проекта Вл. Соловьева 1880-х гг. – идеи “христианской политики”. Указываются точки пересечения богословской и политической проблематики, раскрываются возможности богословской рефлексии относительно политики в системе мышления Соловьева. Выявляется его место в русской общественно-политической мысли конца XIX века. Раскрывается соловьевское понимание этических предпосылок и историко-религиозных оснований политики, проблематика автономии политического и его границ в концепции “свободной теократии”. Высказывается предположение, что раскрытие Соловьевым параллелизма богословских и политических идей позволяет 1) проводить аналогии между его идеями и концепцией политической теологии К. Шмидта; 2) говорить о влиянии, оказанном его попыткой религиозно-этического обоснования политики на предложенную им реинтерпретацию традиционного богословия. Делаются выводы о значении концепции Соловьева в истории русской религиозно-политической мысли, о ее месте в христианском политическом мышлении XX века.

George Belkind, Ksenia Ermishina, Boris Mezhuev

Educational Fund of Brothers Sergey and Evgeny Troubetskis

ФИЛОСОФИЯ ДРУЖБЫ: СОЛОВЬЕВ И БРАТЬЯ ТРУБЕЦКИЕ

Продумывание концепций соборного и всеединого сознания выводит к такой актуальной философской проблематике как “Абсолютное и Другой”: собственное человеческое сознание как тварное оказывается другим по отношению к Творческому сознанию. Не так как в разного рода диалогических построениях – Другой есть другой моему “Я”, но напротив – я есть другой Богу. Умозрение кардинально меняет ракурс рассмотрения, совершает в прямом смысле слова метанойю и открывает скрытую в формальном понятии антропологическую задачу: “Человек призван сочетаться со Христом двоякими узами – в свободе, как друг Божий, и в обновленной природе, как новая тварь и как член тела Христова”.

Дружество Богу – императив “Смысла жизни”, итоговой работы младшего князя-философа, хотя не будет преувеличением сказать, что в целом ряде отношений эта книга есть плод умственного и молитвенного труда обоих братьев Трубецких, Сергея и Евгения. Но скажем больше и дерзновеннее, этот философский императив есть плод их смысложизненного труда-дружества Владимиру Соловьеву.

Aleksandra Berdnikova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

УЧЕНИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА О ЧЕЛОВЕКЕ В РЕФЛЕКСИИ А.С. ГЛИНКИ (ВОЛЖСКОГО)

Интерпретация антропологического наследия В.С. Соловьева в трудах русского философа Серебряного века, историка и литературного критика А.С. Глинки (Волжского) (1878–1940) имеет ряд особенностей, позволяющих по-новому осветить как детали учения самого русского философа, так и личность его интерпретатора. В “теократическом” призыве Соловьева вернуться к “первоначальному”, “апостольскому” христианству и “оправдать веру отцов” Волжский находит глубоко психологический контекст “культы предков”: в его интерпретации Соловьев возвращается не к абстрактным христианским общинам апостольских времен, а к мыслям собственного деда, Михаила Васильевича Соловьева (1791–1861), священника и преподавателя Закона Божия в Московском коммерческом училище. Данный мотив “традиционной преемственности”, по Волжскому, единой связующей нитью проходит через все творчество В.С. Соловьева: начиная с его ранних работ (“Критика отвлеченных начал”, 1880), заканчивая поздними произведениями (“Оправдание добра”, 1897). Этот же аргумент явился основной причиной спора Глинки (Волжского) по поводу интерпретации наследия Соловьева с С.Н. Булгаковым. Схожая аргументация прослеживается и в воссозданной Глинкой творческой биографии Ф.М. Достоевского, написание которой стало для него фактически делом всей жизни. Интересна в этом плане и перекличка “теократического” проекта В.С. Соловьева и “антитеократии” (или “иерократии”) “главного героя” А.С. Глинки (Волжского) – Ф.М. Достоевского. Все это позволяет нам говорить о А.С. Глинке (Волжском) не только как о полу-забытом литературном критике, но и как о самобытной фигуре “пост-соловьёвской” метафизики всеединства начала XX века.

В целом анализ учения А.С. Глинки (Волжского) о В.С. Соловьеве и Ф.М. Достоевском полностью укладывается в исследовательский концепт А.И. Резниченко, относящей идеи Волжского к “диалоговому” формату философствования, при котором происходит своеобразная репрезентация собственных мыслей автора через “уста” своего героя. В этом плане, по мнению исследователей, творчество А.С. Глинки (Волжского) можно поставить в один ряд с учением М.М. Бахтина.

Интерпретацию наследия В.С. Соловьева (в особенности его антропологического учения и проекта “свободной теократии”) в творчестве А.С. Глинки (Волжского), а также сопутствующую ей полемику можно с полным правом считать органичной частью происходившего на рубеже XIX-XX вв. среди творческой русской интеллигенции развития идеала “христианской политики” В.С. Соловьева – поиска “Невидимого града” – “Небесного Иерусалима”.

Vzyskuyushchie grada. Khronika chastnoy zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh.
1997. Red. V.I. Keydan. Moskva.

- Glinka (Volzhskiy), A.S. 2005. *Sobranie sochineniy v trekh knigakh*. Book. I: 1900–1905. Moskva.
- Glinka (Volzhskiy), A.S. 2012. Chelovek v filosofskoy sisteme Vladimira Solov'eva. In *Volzhskiy. Misticheskiy panteizm V.V. Rozanova*. Moskva. S. 107-126.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Ch. 1–7. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 58.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Ch. 8–14. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 59.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Ch. 16–22. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 60.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Part I. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 61.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Part II. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 62.
- Glinka A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Ch. 14–19. Part III. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 63.
- Glinka, A.S. "Zhizn' i tvorchestvo Dostoevskogo". Ch. 20–23. Part IV. RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 64.
- Glinka, A.S. Zametki, pamyatki, vstavki, spiski i pr. k ego rabote "Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestv". RGALI. F. 142. Op. 1. Ed. khr. 175.

Elena Besschetnova

National Research University Higher School of Economics

V.S. SOLOVYOV AND THE HOLY SEE: IDEA OF CHRISTIAN UNITY

In the face of political rhetoric about Russia being outside of Europe both in the West and in Russia itself, it is all the more necessary to remember that European and Russian culture grew out of the same source: Christianity. Therefore, inter-confessional dialogue between Russian Orthodoxy and the Roman Catholic Church is particularly relevant today. In this context, scholars have focused attention on the Russian philosopher V.S. Soloviev, who has been described as the forerunner of the ecumenical movement. The current paper seeks to enrich accounts of Soloviev's thought by shining a spotlight on the context of spiritual thought in Russia in his day. The paper also shows how Russian emperors (particularly Alexander III) promoted the idea of a rapprochement with the Holy See. The author argues that these mutual initiatives of the Holy See and the Russian government were the political foundation for V.S. Soloviev's famous theocratic project. Vladimir Soloviev outlined the possible paths towards ecclesiastical unity in his works: "The Great Debate and Christian Politics", "The History and Future of Theocracy", "The Russian Idea", "Russia and The Universal Church". V.S. Soloviev used idea of Fedor Tiutchev about Christian Empire developing his project of "universal theocracy". Yet, unlike Tiutchev, who wrote about Russia as the successor of the Eastern Roman Empire (Second Rome) and Constantinople as the center of the Christian Ecumene, Soloviev believed that the center of the union should be the papal Rome. The philosopher thought that Russia could fulfill its historical mission only in union with the Roman Church. The main task of Russia was to rise above the opposition of the West and the East and to show itself as the Third Rome, which would be able to reconcile the first two in itself. The Russian

Tsar, and not the Orthodox Church, should take part in the unification of Christian humanity. It should be noted that, in parallel with Soloviev the Russian government took a course towards rapprochement with the Vatican. Soloviev, in his article "Agreement with Rome and the Moscow newspapers", analyzed the history of relations between Russia and the Holy See. Soloviev fully supported rapprochement with the Holy See on an official level and also endorsed the Holy See's initiative of sending permanent representatives to Russia. In May 1888 an agreement between The Holy See and Russian Empire was signed and A.P. Izvolsky became the first resident ambassador of the Russian Empire in the Holy See. The seriousness of the Pope's interest in a rapprochement with Russia framed the discussions of the intellectual elite in Russia about the perspectives of inter-confessional dialogue. Modern researcher and archivist Laura Pettinaroli noticed that the last quarter of the nineteenth century is marked by renewed Catholic interest in Russia. This interest had deep intellectual roots and it is also was the result of a strictly religious tension of seeking Christian unity. The ideas of Soloviev attracted the attention of the Roman Catholic clergy, above all Josip Juraj Strossmayer (a Croatian bishop who the Vatican considered a pan-Slavist and Russophile). Bishop Strossmayer wrote to Rome about Soloviev's project and even wanted to organize for him a personal audience with the Pope. The author of the intellectual biography of the philosopher, K. Mochulskii, observed that in his letter to cardinal Rampolla, Strossmayer enclosed a *pro memoria* note prepared by Soloviev for the occasion and addressed to the Cardinal State Secretary and the Pope. It is known for certain that Strossmayer had also dispatched Soloviev's work "The Russian Idea" to Rome. In his cover letter to Cardinal Rampolla, the bishop introduced Soloviev as the main mediator of the idea of uniting the Churches in Russia. In terms of the Pope's reception of Soloviev's ideas, it is obvious that theocratic project could not arouse the interest of Leo XIII. However, being a practical politician, the Pope understood that it would not be feasible in practice. Cardinal Rampolla himself was interested in Soloviev's project and studied the materials about it in the European press. He wrote to the French nuncio on August 15, 1888, and asked him to send the texts of V.S. Soloviev about the return of Russia to the bosom of the Catholic Church Also the cardinal Rampolla also had received a letter from Strossmayer with attachments on "Russia and The Universal Church". K. Mochulski claimed that Strossmayer organized an audience for Soloviev with the Pope in 1888 during his visit to Europe. More recently Ray Ryland second Mochulsky and added that Soloviev received a papal benediction in recognition of his efforts. Yet Soloviev himself in his letters to his friends and family did not refer to his meeting with the Pope. Neither is there any information about such a meeting in Soloviev's correspondence with the Russian Jesuits Ivan Martynov or Pavel Pierling with whom the philosopher discussed his proposals for the unification of the Churches in detail. In terms of the Pope's reception of Soloviev's ideas, it is obvious that theocratic project could not arouse the interest of Leo XIII. However, being a practical politician, the Pope understood that it would not be feasible in practice. The organization of the Church and European Society as described by Soloviev had a clearly defined utopian character. It is worth adding here that he re-examined his project in his last work "War, Progress, and the End of History: Three Conversations". But despite its utopianism, his initial optimism regarding the imminent unification of the East and West inspired many generations of Russian thinkers, among them V.V. Ivanov, S.M. Soloviev, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyayev, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank.

- Catholicism: pro et contra*, 2012. Saint Petersburg.
- d'Herbigny, M. 1909. *Un Newman russe: Vladimir Soloviev 1853–1900*. Paris.
- Frank, S.L. 2017. Tri besedy o Vladimire Solovieve. *Voprosy filosofii*. No 6. S. 109–122.
- Fouilloux, E. 1982. *Les catholiques et l'unité chrétienne du XIX au XX siècle*. Paris.
- Gaiduk, V.P. 2003. Dialog Rossii s Vatikanom na rubezhe XIX–XX vv. Po novym arkhivnym materialiam. In *Rossia i Vatikan v kontse XIX – nachale XX veka*. Saint Petersburg.
- Gavrilin, M.N. 1987. *Vvedenie k russkoj idee. Introduction to L'idee russe*, Brussel.
- Kadic, A. 1961 Vladimir Soloviev and Bishop Strossmayer. In *American Slavic and East European Review*. Vol. 20. Issue 2. P. 163–188.
- Obolevich, T. 2014. Metafizicheskie osnovaniya ekumenicheskogo projekta Vladimira Solovieva. *Bogoslovie. Kul'tura. Obrazovanie*. Vol. 18. No 4. P. 576–586.
- Pettinaroli, L. 2015. *La politique russe du Saint-Siège (1905–1939)*. Ecole française de Rome.
- Poole, R.A. 2008. The Greatness of Vladimir Solov'ev: A Review Essay. *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. Vol. L. No 1–2. P. 349–371.

Mikhail Blumenkrantz

Germany

МЕЖДУ ДОБРОМ И СВОБОДОЙ:

ТЕМА АНТИХРИСТА У ВЛ. СОЛОВЬЕВА, Ф. ДОСТОЕВСКОГО И Ф. НИЦШЕ

В докладе предполагается проанализировать идейные мотивы и предпосылки произведений Вл. Соловьева, Ф. Достоевского и Ф. Ницше об Антихристе. Все три произведения, о которых пойдет речь – “Краткая повесть об Антихристе”, “Анихристианин”, “Поэма о Великом Инквизиторе”, – написаны на исходе 19 века, на пороге “великого слома”, страшных исторических потрясений новой наступающей эпохи. Художники и философы чутко улавливают первые сейсмические колебания духовной почвы, предвестники будущих катаклизмов.

Именно в 20 столетии, как пожалуй никогда прежде, была поставлена под вопрос свобода, как отдельной личности, так и целых народов. Именно в 20 столетии так явно обнаружилась глубина зла, часто выступающего под личиной добра.

Один из основных вопросов, поставленных временем и нашедший свое отображение в рассматриваемых произведениях, – это соотношение Добра и Свободы в их проекте перестройки мироздания. Эта тема, остающаяся остро актуальной и в современном мире, в котором категории Добра и Свободы не просто находятся в живом диалоге, но зачастую сталкиваются между собой в жестком антогонизме.

По-сути пафос отрицания христианства у Ницше направлен на христианство, как оно понимается Великим Инквизитором. Разнятся лишь выводы – презрительное потакание слабости человеческой природы или мораль сверхчеловека. Антихрист Владимира Соловьева парадоксальным образом совмещает в своем подходе обе эти позиции. Позднее эта линия находит свое продолжение в романе-антиутопии О. Хаксли “О дивный новый мир”. Тема Добра и Свободы станет центральной в ведущих идеологических проектах 20 века, как демократических, так и тоталитарных.

При всем различии подходов к теме у Вл. Соловьева, Ф. Достоевского и Ф. Ницше есть нечто, что их объединяет. Об этом скрытом единстве и идет спор между тремя идеологами.

Dostoevskiy, F.M. 1975. *Brat'ya Karamazovy*. In F.M. Dostoevskiy. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 tomakh*. Leningrad. Vol. 14.

Nitsche, F. 1989. *Antikhristianin*. In *Sumerki bogov*. Moskva.

O Velikom Inkvizitore. *Sbornik statey*. 1991. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1966. *Sobranie sochineniy*. Bryussel'.

Khakslis, O. 1989. *O divnyy novyy mir*. Moskva.

Glyuksman, A. 2006. *Dostoevskiy na Mankhettene*. Ekaterinburg.

Losev, A.F. 1990. *Vladimir Solov'ev i ego vremena*. Moskva.

Zen'kovskiy, V.V. 1991. *Istoriya russkoy filosofii*. Leningrad.

Andreas Buller

Ministry of Social Affairs and Integration Baden-Württemberg, Germany
The State Academic University for the Humanities in Moscow, Russia

ЭТИКА ЧУВСТВ В.С. СОЛОВЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Анализирующие философию чувств Владимира Соловьёва исследователи немедленно фиксируют влияние А. Шопенгауэра на него. Но на самого Шопенгауэра большое влияние оказали мыслители эпохи Просвещения – Дэвид Юм, Жан-Жак Руссо и Адам Смит, которые заложили основы современной этики чувств. Поэтому для того, чтобы достойно оценить вклад Владимира Соловьёва в развитие философии чувств, необходимо рассматривать его философию в тесной связи с предшествующими ей философскими концепциями.

Подход Владимира Соловьёва, однако, существенно отличается от его предшественников. Владимир Соловьёв анализирует не только роль и функции нравственных чувств, а он стре-

мится найти их первоисточник и описать их эволюцию. По этой причине этика Владимира Соловьёва приобретает ярко выраженный антропологический характер, ибо в “высших” чувствах человека Владимир Соловьёв видит прежде всего “инструменты” его нравственно-го самосовершенствования, целью которого является состояние богочеловечества.

Vladimir Chernus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЁВА

Под “онтологизацией сознания” в контексте философии В.С. Соловьёва мы понимаем процесс “восцерковления”, любви и стремления к Богу. Во время защиты своей магистерской диссертации “Кризис западной философии (против позитивистов)” В.С. Соловьёв сказал, что неверие в Бога опустошает душу человека. Идея движения человека к Богу проходит сквозь всю его философию. В философии В.С. Соловьёва хаос не является однозначно негативной категорией. Бог любит хаос и хочет, чтобы он существовал, он даёт ему свободу и выводит мир из него. Философ называет его “тёмным корнем бытия”. Поэтому в еловеке присутствует тёмное хаотическое начало. Поскольку сознание имеет хаотическое основание, у него есть свобода ко злу. В результате происходит грехопадение. Сознание “деонтологизируется” после грехопадение, теряет связь с божественным Логосом, теряет своё содержание и находится в состоянии поиска. Так начинается теогонический процесс, т.е. процесс поиска Бога, который трансформируется в процесс исторический. История имеет то же начало, что и жизнь космоса, – становление абсолютного в “другом”, – хаосе небытия. Бог отвечает на поиски человека и происходит Боговоплощение, Божественный Логос становится абсолютным, совершенным Богочеловеком. Бог любит человека, и для того, чтобы преодолеть бездну, что их разделяет, божественный Логос воплощается в личность Иисуса Христа. Через Него сознание получает возможность достигнуть Бога. Но на этом пути сознание встречается с искушением зла, которое искушало и Спасителя. Богочеловеческий процесс происходит с одной стороны, – однажды, в факте рождении Христа, с другой, - постоянно: сознание стремится к Богу в истории. Сознание – представитель мировой души, и в нём должно произойти встреча с божественным Логосом, произойти соединение божественного начала с душой мира. Сознание выступает здесь как квинтэссенция всеединства. Эта встреча и соединение экстраполируется в истории на жизнь церкви. Поэтому В.С. Соловьёв ратует за единую церковь, вне её канонического разделения, но при этом он против механического соединения религий, лишая их индивидуального начала. Он выступает за то, чтобы человечество пришло к единой религии посредством богочеловеческого процесса, который понимается как онтологическая динамика восхождения мира к Богу, – это путь совместного спасения людей. В Богочеловечестве, благодаря духовному труду, человеческое начало соединяется с Божественным.

Идея всеединства заключается в органическом единстве мирового бытия, наличии взаимопроникновения составляющих его элементов с сохранением их индивидуальности. В концепции всеединства В.С. Соловьёва огромную роль играет человек (сознание), который является точкой соединения ноуменального и феноменального миров. Сознание в философии В.С. Соловьёва рассматривается как представленность сущего всеединого в являющемся бытии. Сознание выступает “каналом”, в котором всеединое “отслеживает” свои бытийные проявления. Сущее всеединое, или Бог, дано человеку в непосредственном восприятии, и можно прийти к Богу внутри своего собственного духа. Всеединство – это точка соединения феноменального и ноуменального миров сначала в сознании, а затем реализация этого единства во внешнем мире. Т.е. человек сначала мыслит всеединство, а затем реализует его в своём стремлении к Богу. Всеединство и богочеловечество – это идеальная форма социального бытия. Философ мыслил реальное осуществление этого идеала в мировой истории, но в конце жизни он разочаровался в возможности эмпирического воплощения богочеловечества и реализации идеи всеединства на практике. В “Трёх разговорах” божественное соединяется с человеческим уже за пределами человеческой истории. Это событие надисторическое, которое происходит не благодаря, но вопреки историческому процессу. “Онтологизация сознания” или восхождение сознания к Богу согласно В.С. Соловьёву возможно, если сознание проникнется чувством совершенной любви, отречётся от самоутверждения. Но подобное самоотречение не приведёт к потере индивидуальности. Наоборот, оно обнаружит своё истинное “я” в Боге.

Человек, согласно В.С. Соловьёву, стремится к постижению всей полноты бытия, но эта полнота не может быть достигнута путём рационально познания. Она может быть постигнута только в стремлении к Богу, которая выражается в чувстве любви к Нему и всему сущему. По мере стремления и приближения к Богу, сознание постигает, что многообразие мира становится единым целым, т.е. абсолютным. Следовательно, мир – это абсолютное становящееся, а Бог – абсолютное сущее.

Современная В.С. Соловьёву философия также исследует проблему онтологизации сознания. Но под Логосом она понимает не Христа, но абстрактные, идеальные принципы и категории, отсюда следуют ложные пути онтологизации сознания, которые приводят лишь к царству закона и рабству сознания у природы.

В конце жизни В.С. Соловьёв ощущал окончание истории, разочаровавшись в богочеловеческом процессе и в его воплощении в церкви. Но это не значит, что невозможна индивидуальная “онтологизация сознания”, которая реализуется в любви к Богу. Бог так возлюбил человека, что отдал за него своего сына, и человек должен ответить на божественный зов.

Solov'ev, V.S. 2000. *Tri razgovora*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1991. *Smysl lyubvi*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 2000. *Chteniya o Bogochelovechestve*. Sankt-Peterburg.

Solov'ev, V.S. 1996. *Opravdanie dobra*. Moskva.

Zen'kovskiy, V.V. 2001. *Istoriya russkoy filosofii*. Moskva.

Losskiy, N.O. 1991. *Istoriya russkoy filosofii*. Moskva.

Anatoly Chernyaev, Alexander Tsygankov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

СОВРЕМЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД¹

Целью работы является анализ современной рецепции философского наследия В.С. Соловьева в России и за рубежом. При этом в центре внимания будет находиться проект подготовки и издания полного собрания сочинений и писем В.С. Соловьева, который реализуется сегодня в России. Историю и состояние данного предприятия целесообразно рассмотреть в качестве показателя востребованности идейного наследия В.С. Соловьева со стороны академической науки и гражданского общества в современной России. Данный научно-издательский проект будет сопоставлен с крупнейшими реализованными ранее изданиями, которые были опубликованы в России под редакцией М.С. Соловьева, Э.Л. Радлова и С.М. Соловьева, а также с немецким изданием под редакцией Людвига Мюллера. Параллельно с этим будет проведено сопоставление проекта по изданию В.С. Соловьева с другими реализуемыми ныне в России проектами по изданию собраний сочинений философов – как российских, так и зарубежных – в частности, с двуязычным изданием Иммануила Канта. Такая методология должна позволить выявить различия в восприятии в России зарубежного и отечественного философского наследия, а также уяснить значение и влияние идей В.С. Соловьева на современном этапе развития российского общественного сознания. Основной тезис, который планируется обосновать, заключается в том, что рецепция собственного философского наследия в России традиционно более проблематична, чем рецепция зарубежного философского наследия. Такая ситуация особенно характерна для современной России, о чем свидетельствуют, в частности, различного рода затруднения, с которыми сталкиваются издатели В.С. Соловьева; основное из этих затруднений заключается в существенном разрыве духовной преемственности, который произошел между эпохой В.С. Соловьева и нашим временем. Для сравнения будет привлечена к рассмотрению ситуация с рецепцией наследия В.С. Соловьева в современной зарубежной русистике (немецко- и англоязычные публикации).

Victor Chernyshov

Poltava Yuriy Kondratyuk National Technical University

ANTICIPATING THE COMING EVIL: VLADIMIR SOLOVIEV'S ESCHATOLOGY (CHRIST VS ANTICHRIST)

This paper focuses on Vladimir Soloviev's eschatology, which is crowning the development of his philosophical doctrine. Having come through a number of changes in his spiritual biography – the utopian period with his fascination with natural sciences, positivism, and socialism; the theocratic period when he believed that the true and happy Christian life can be more or less easily achieved with attainment of the theocratic ideal of the Universal Church – Vladimir Soloviev finally begins to anticipate the deep (and unavoidable) threats of the coming universal evil. A dark drama is unfolding upon the earth as the world is getting closer to the final stage of its existence. The final battle between good and evil is looming ahead, and already is almost ready at hand that eventually will reach its culmination point in appearing of the Antichrist. The growing apocalyptic darkness falls upon the earth. This cosmic process has a number of dimensions: ecclesiastical, moral, mystical, personal, political, etc. However, as the absolute good has entered the human species and been personified in the God-man unity of the person of Christ, so likewise that the coming evil has eventually to enter the humanity in the person of Christ's (ideal) adversary that is in the person of Antichrist in order to wage the final war against God and humanity.

Cystiakov, G.P. Eschatologiya Vladimira Solovieva i pervosviaschencheskaya molitva Iisusa. Online: <http://owohho.com/739/article/36652>.

Kotrelev, N. Eschatologiya Vladimira Solovieva. *Journal "INTELROS" – Intellektualnaya Rossiya*. Online: http://www.intelros.ru/subject/eshatalog/185-nikolajj_kotreljov_jeskhatologija_u_vladimira_soloveva.html.

Krasicki, J. 2003. *Bóg, człowiek i zło. Studium filozofii Włodzimierza Słowjowa*. Wrocław.

Losev, A. 2009. *Vladimir Soloviev: Vladimir Soloviev i ego vremia*. Moskva.

Serbinnenko, V.V. 2003. Filozofskaya eschatologiya Vl. Solovieva. In *Seriya "Symposium", Minushee i neprekhodiashee v zhizni i tvorchestve V.S. Solovieva*. Vypusk 32. *Materialy mezhdunarodnoyi konferentsii 14–15 fevralia 2003*, Saint-Petersburg. S. 153–163.

Soloviev, V. 1888. *L'idée russe*. Paris.

Soloviev, V. 1889. *La Russie et l'Eglise universelle*. Paris.

Soloviev, V. 1908–1923. *Pis'ma v 4 tomakh*. Red. E.L. Radlov. Saint-Petersburg.

Soloviev, V. 1948. *Russia and the Universal Church*. Tr. H. Rees. London.

Soloviev, V. 1911–1914. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh*. Saint-Petersburg.

Sutton, J. 1988. *The Religious Philosophy of Vladimir Soloviev. Towards a Reassessment*. New York.

Zen'kovskiy, V.V. 1991. *Istoriya russkoyi filozofii*. Vol. 2. Leningrad.

Ekaterina Dmitrieva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

РОКОВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ДУШИ И ТЕЛА, ВОПРОС О СОФИАНСТВЕ И РУССКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье “О софианстве”, посвященной в том числе анализу отношения Владимира Соловьева-поэта и Соловьева-философа к “этой жизни, с которой так тягостно считаться”, Г. Чулков писал: “Роковое разделение души и тела, неба и земли неизбежно приводит к какой-то лукавой дилемме и Соловьев вслед за всеми проповедниками аскетизма звал от жизни туда,

Где небо высится ночное
С невозмутимостью святой,
И над любовью земною,
И над земною суетой...

Душевное настроение, которое преобладало у Соловьева, несовместимо с любовью и творчеством здесь на земле. Между сияющей ледяной вершиной и цветущей долиной разверзается пропасть”.

Спор с Соловьевым Чулков перенес и на страницы своей беллетристики. В центре его новеллы “Отмщение” – великий писатель, который напомнил миру истину о его божественном происхождении, и вместе с тем человек, равнодушный к “чувственной прелести обыденного мира”. Когда-то этот человек бежал от своей возлюбленной, считая, что все земное его недостойно. И все же, по мысли Чулкова, найдется сила, которая отомстит за презрение к земному. И этой силой окажется женщина, на коленях перед которой будет стоять в финале гениальный старик.

В докладе будут освещены также и другие случаи отражения философии эроса Соловьева в русской беллетристике, а также внутренняя полемичность его софианства в отношении идей Якоба Беме и построений Новалиса.

Losev, A.F. 2009. *Vladimir Solov'ev i ego vremya*. Moskva.

Russkaya novella nachala XX veka. 1990. Red. E.E. Dmitrieva, S.V. Sapozhkov. Moskva.

Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii. 1991. Moskva.

Dmitrieva, E.E. *Russkie filosofi o lyubvi*. *Russkaya mysl'*. 1993. No 3976.

Mirchev, D. The Philosopher of “The Silver Century”: 155th Anniversary of Vladimir Soloviev (1853–1900). *Sofia Philosophical Review*. 2009. Vol. III. No 1.

Janusz Dobieszewski

University of Warsaw

“ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ” ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА – К ФЕНОМЕНОЛОГИИ?

Статья будет презентацией философского проекта и основных идей последней работы Соловьева – “Теоретической философии”. Это будет включено в общий смысл философии Соловьева, но прежде всего будет рефлексией над возможностями продолжения содержащихся в “Теоретической философии” идей, над возможными путями дальнейшего развития философии Соловьева, которые не были реализованы из-за преждевременной смерти, но в значительной степени продолжались в различных проектах Русского религиозно-философского ренессанса. Особое внимание будет уделено возможности развития философии Соловьева к феноменологии.

Solov'ev, V.C. 1966. Teoreticheskaya filosofiya. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. IX. Bryussel'.

Ern, V.F. 1911. Gnoseologiya V. S. Solov'eva. In *Sbornik pervyy o Vladimire Solovev'e*. Moskva.

Vvedenskiy, A.I. 1901. O mistitsizme i krititsizme v teorii poznaniya V.S. Solov'eva. *Voprosy filosofii i psikhologii*. No 1 (56).

Trubetskoy, E.N. 1913. *Mirosozertsanie Vl. S. Solov'eva*. Moskva.

Losev, A.F. 1990. *Vladimir Solov'ev i ego vremya*. Moskva.

Bibikhin, V.V. 1998. Dobro, istina i nesushchestvovanie u Vladimira Solov'eva. In *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie regulyativy*. Moskva.

Dahm, H. 1971. *Vladimir Solov'ev und Max Scheler*. Munchen.

Dobieszewski, J. 2002. *Włodzimierz Sołowjow. Studium osobowości filozoficznej*. Warszawa.

Igor Evlampiev

St. Petersburg State University

ОБРАЗ ИИСУСА ХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО И ВЛ. СОЛОВЬЕВА

В творчестве Достоевского образ Иисуса Христа занимает очень большое место, в разных контекстах он предстает по-разному; тем не менее здесь присутствует единство: Иисус Христос для Достоевского есть “идеал человека во плоти”, т.е. он не является Богом, как в догматическом учении, он выражает идеал земного самосовершенствования человека. Но одновременно он является символом бессмертия. Эти два аспекта образа Христа связаны между собой: идеал абсолютного совершенства не может быть реализован в одной земной жизни, перспектива совершенства реальна, только если человек обладает бесконечной жизнью,

складывающейся из отдельных “отрезков”, подобных земной жизни; переход от одного “отрезка” к другому это и есть смерть, которая не прерывает жизнь, а только трансформирует ее.

В творчестве Вл. Соловьева образ Христа имеет гораздо меньшее значение. В большинстве работ, когда упоминается имя Христа, имеется в виду не столько его образ, сколько его идея: а именно идея преобразования земной действительности силами человека. “Христос приходил в мир (...) чтобы спасти мир. Своею смертью и воскресением Он спас мир в принципе, в корне, в центре, а распространить это спасение на весь круг человеческой и мирской жизни, осуществить начало спасения во всей нашей действительности – это Он может сделать уже не один, а лишь вместе с самим человечеством” (“Об упадке средневекового миросозерцания”).

Малое значение образа Христа у Соловьева прямо связано с его достаточно низкой оценкой отдельного личного бытия человека, для него большее значение имеет человечество, а не человек. Но в поздних “Трех разговорах” появляется яркий конкретный образ Христа, судящего мир и побеждающего Антихриста. Этот предельно “догматический” образ явно противостоит образу Христа из Поэмы о Великом инквизиторе Достоевского, ведь Христос Поэмы подчеркнуто не отличается от обычного человека. Можно сделать вывод, что в своей поздней работе Соловьев полностью отказывается от своих прежних взглядов и от следования за Достоевским и подчеркнуто принимает церковную версию христианства.

Irina Katsapova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. СОЛОВЬЕВА: ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

В философском наследии русского мыслителя можно выделить, конечно, условно, три периода: первый принято считать “славянофильским”, а также мистическим; второй – утопически-теократический, основной идеей которого становится идея построения христианского государства; третий период – синтетически-критический, в который В. Соловьев освобождается от иллюзий своей теократической утопии “Царства Божьего” и занимается более “мирскими” вопросами. Именно в третий период вышли “Оправдание добра. Нравственная философия” и “Право и нравственность (Очерки из прикладной этики)”, в которых В. Соловьев излагает свою философию права (к разработке основной идеей которой приступил еще в “Критике отвлеченных начал” (гл. XV–XXII, 1880).

Важным моментом философско-правовой системы В. Соловьева является то, что философию права мыслитель считал одной из “философских дисциплин, примыкающих к этике или нравственной философии (в прикладной ее части)”. Принципиальная позиция В. Соловьева своди-

лась к тому, что “учение о праве не может быть выделено и вполне понято вне связи с его общими этическими взглядами”. В своих рассуждениях философ настаивал на том, что “взаимное отношение между нравственною областью и правовой” является одним “из коренных вопросов практической философии” (этике), а, по сути, это вопрос о связи “между идеальным нравственным сознанием и действительною жизнью”. Практически же философ пытался найти то общее, что связывало бы между собой право и нравственность. По его глубокому убеждению, стремление ограничиться только формальным пониманием права приводит к утрате действительного содержания права, потому что право не может трактоваться как абсолютное, независимое от нравственности, начало. В “Критике отвлеченных начал” мыслитель придерживался как юридического понимания права, но также рассуждал и о минимуме нравственных требований в праве.

Философское обоснование В. Соловьевым социальных нравственно-правовых отношений выходило за рамки т.н. догмы профессионального юридического языка, в силу чего гуманистическая позиция философа относительно правотворчества и правоприменения подвергалась часто критическим замечаниям со стороны не только юристов и правоведов, но и социальных философов.

Широкая дискуссия относительно философско-правовых воззрений В. Соловьева была развернута после выхода его “Критики отвлеченных начал” (1880). Такое начало наметил Б. Чичерин в работе “Мистицизм в науке” (1880), предприняв глубокий и содержательный анализ основных положений диссертации В. Соловьева. В принципе, надо отметить, что Б. Чичерин не остался безучастным ни к одной, из предложенных В. Соловьевым, философско-правовых версий.

Rev. Pavel Khondzinskii

St. Tikhon's Orthodox University

“НА ЯЗЫКЕ СОФИОЛОГИИ”:

ОТ ТРИАДОЛОГИИ В.С. СОЛОВЬЕВА К ТРИАДОЛОГИИ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

В.С. Соловьев является безусловным “отцом” русской софиологии. В том числе именно ему принадлежит первая в русской традиции попытка напрямую соединить учение о Софии с христианской догматикой. Как известно, наиболее подробным образом в области триадологии это сделано им было в работе “Россия и Вселенская Церковь”, причем в своем философском обосновании троичности он явно исходит из католического понимания догмата (и не только в отношении Filioque).

В свою очередь, о. Сергей Булгаков излагает свое понимание троического догмата “на языке софиологии”, предваряя его одновременно достаточно резкой критикой католического учения по этому вопросу (см. “Главы о троичности” и в особенности “Утешитель”).

Вследствие этого возникает следующий вопрос: как связаны и связаны ли между собой коррективы, внесенные о. Сергием в соловьевское учение о Софии, и произведенная им одновременно смена “догматических координат”? Рассмотрение этой проблемы, составляющее содержательную суть предлагаемого доклада, в свою очередь должно дать хотя бы отчасти и ответ и на вопрос, насколько инвариантной является корреляция между софиологией и тем или иным раскрытием христианских догматов, иными словами, насколько язык софиологии является имманентным языку христианской традиции.

Lilianna Kiejzik

University of Zielona Gora

ГЕОРГИЙ ФЛОРОВСКИЙ О ВЛАДИМИРЕ СОЛОВЬЕВЕ – НА ОСНОВАНИИ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К БРАТУ АНТОНУ

Выступление подготовлено в рамках международного гранта Народного Центра Науки (Польша) согласно Договору № UMO-2017/25/B/HS1/00530, сосредоточено на двух тезисах:

Первый – относится к краткому представлению критики Георгием Флоровским взглядов Владимира Соловьева, прежде всего его софиологии, во время так называемого парижского периода его творчества.

Второй – это анализ научных открытий сделанных Г. Флоровским в отношении забытых рецензий и статей Вл. Соловьева и их публикация. Анализ ведется на основании неопубликованных писем Г. Флоровского брату Антону, которому он описывал свои поиски. Письма находятся в Словянской Библиотеке в Праге.

Elena Knorre

St. Tikhon's Orthodox University

ПУТЬ В НЕВИДИМЫЙ ГРАД: СОЛОВЬЕВСКИЙ И ПЛАТОНОВСКИЙ МИФ В ДНЕВНИКАХ М. ПРИШВИНА 1910–1930-Х ГОДОВ

Рецепция Платона и Канта в культуре русского символизма определяет трансформацию китежской легенды в миф о Невидимом граде: град дан за “невидимой стеной”, но одновременно и задан человеку – открывается в пути покаяния. По мнению М.В. Максимова, в историософии В. Соловьева в “противоречивом единстве сосуществуют” “созерцательность платоновской мистики и активно-социальные тенденции всеединства” (1). Образ “невидимой стены” (“морoka”, “смертоносного марева”), восходящий к платоновскому и соловьевскому мифам, становится одним из ключевых символов в мифопоэтике Невидимого града в религиозных исканиях С. Дурылина, Вяч. Иванова, П. Флоренского.

В дневниках М. Пришвина платоновский миф реализуется в метафоре “завесы бытия”, ставшей ключевым лейтмотивом дневников 1914–1941 гг. Включение данного контекста в анализ мифопоэтики Пришвина существенно уточняет исследовавшийся ранее концепт Всеединства (Холодова З.Я., Борисова Н.В., Подоксенов А.М.). В докладе предполагается проанализировать ранее не входивший в круг исследований Пришвина платоновский миф как основу сюжета пути в Невидимый град, описать сквозной образ-символ “невидимой преграды” (стены невидимого града) в его вариациях в дневниках М. Пришвина 1910–1930-х гг. (образы “завесы бытия”, “завесы мира”, “ширмы войны”, “стены годов”, “темной вуали”) в соотношении с образами “невидимой преграды” в текстах современников Пришвина (образы “марева”, “бесовой оболочки” у С. Дурылина, “бредного марева” у П. Флоренского, “смертельного морoka” у Вяч. Иванова, “толщи земли” у А. Горского, “толщи ничто и хаоса” у В. Муравьева). В контексте соловьевского и платоновского мифов растительные образы-символы “Жень-шень”, “Фацелия”, водоросль Клавдофора, “олень-цветок” соотносятся с образами-символами “китежского текста” М. Пришвина (“росток церкви”, “христианский цветок мира”). Образы советского периода (“коммуна”, “коммунист”, “пионер леса”) рассматриваются в составе рецепции Пришвиным соловьевского и платоновского мифов Серебряного века.

Maksimov, M.V. 2001. *Metafizicheskie osnovaniya istoriosofii Vl. Solov'eva. Solov'evskie issledovaniya.* No 1. S. 47–75.

Kholodova, Z.Ya. 2001. *Rol' filosofii Vl. Solov'eva v formirovanii khudozhesvennogo myshleniya M.M. Prishvina. Solov'evskie issledovaniya.* No 3. S. 130–145.

Borisova, N.V. 2005. *Put' k vseedinstvu v romane-mife M. Prishvina "Osudareva doroga".* In N.V. Borisova. *Khudozhestvenno-esteticheskoe razvitiye studentov i shkol'nikov.* Elets. S. 71–77.

Podoksenov, A.M. 2009. *Filosofsko-mirovozzrencheskiy diskurs i kul'turnyy kontekst tvorchestva M.M. Prishvina.* Diss. na soiskanie stepeni doktora filosofskikh nauk. Belgorod.

Alexey Kozyrev

Lomonosov Moscow State University

ЭТОС ПРЕОБРАЖЕННОГО ЭРОСА: РАННИЙ И ПОЗДНИЙ СОЛОВЬЕВ

В докладе будет рассмотрено, как формируется философия любви Соловьева от его ранних французских набросков “София” и планов “вселенского учения”, а также ранней лирики 1874–1876 г. к его поздним текстам, причем особое внимание будет уделено “Воскресным письмам” и некоторым поздним стихотворениям. В раннем творчестве своеобразный “ordo amoris” формирует и политическую модель философа. Но и в поздних трудах “Преображенный Эрос” оказывает существенное влияние и на этику Соловьева, как на общественном, так и на субъективном уровне. Мы видим как сублимация Эроса, выстроенная в раннем творчестве в платоническом и даже герметическом ключе, трансформируется в некое подобие аскетической модели, где сублимируется не только Эрос, но и вся страстно-аффективная часть души (в “Двух потоках”, например). Мы затронем также и более поздние рецепции метафизики любви Владимира Соловьева, например, у о. Патрика де Лобье в его замысле “Цивилизации любви”.

Jan Krasicki

University of Wrocław

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВО ИЛИ БОГОЧЕЛОВЕК? В.С. СОЛОВЬЕВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

В докладе поднимается вопрос об отношении В. Соловьева и Ф. Достоевского к Личности Христа, а вопрос представляется в контексте категории Богочеловечества и Богочеловека. Указывая сходства и различия в отношении обоих мыслителей к христологическому вопросу показывается, что, если в трудах теократического периода российского философа господствует безличное отношение к Христу, основанное, главным образом, на христологии немецкого философского идеализма и пересмотрено только на апокалиптическом этапе его творческой эволюции, то отношение писателя к Личности Христа отличается от начала до конца его творческого пути личным и экзистенциальным подходом. Показывается, какие последствия имели эти позиции в конструкции мировоззрений этих двух русских мыслителей. В выводе указывается перемена в отношении философа на эсхатологическом этапе его взглядов, по сути, приближающая его к позиции русского писателя.

Victoria Kravchenko

Moscow Aviation Institute (National Research University)

VL. SOLOVIEV'S PHILOSOPHY OF LOVE: FROM PLATO'S EROS TO THE UNIVERSAL SYZYGY

The brilliant investigator and exemplary translator of Plato's works, V. Soloviev emphasized not only advantages, but also shortcomings of the Ancient Greek classics doctrine of love. He subjected to principal criticism Plato's teaching about Eros.

Soloviev considered different types of love. The blind physiological emotionality (embodied in the Ancient Greek mythological image of the goddess of Aphrodite), to the Russian philosopher's mind, has to be transformed into unique human feeling of love of the great moral, mystical and spiritual sense, during the world process.

In his late works Soloviev investigated mainly ontological-esthetical and ontological-moral sense of love as implementation of the initial world purpose. In this love, on the Russian thinker's belief, the real destination of the person is fully reflected. The person who is capable to embody the idea of the universal syzygy with the natural environment in his not indifferent, purposeful, and creative interaction.

Solov'ev, V.S. 1988. *Smysl lyubvi*. In V.S. Solov'ev. *Sochineniya v 2 t.* Vol. 2. S. 493–547. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1988. *Krasota v prirode*. In V.S. Solov'ev. *Sochineniya v 2 t.* Vol. 2. S. 351–389. Moskva.

Kravchenko, V.V. 2006. *Vladimir Solov'ev i Sofiya*. Moskva.

Kravchenko, V.V. 2017. *Simfoniya chelovecheskoy kul'tury*. Moskva.

Françoise Lesourd

Université Jean Moulin Lyon 3

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ КАК СОБЕСЕДНИК НИКОЛАЯ ФЁДОРОВА В "СМЫСЛЕ ЛЮБВИ"

Владимир Соловьёв был один из постоянных собеседников Николая Фёдорова. Как известно, "Смысл любви", одна из последних книг Соловьёва, тесно связана с учением последнего. В "Смысле любви" Соловьёв указывает на дурную бесконечность "физического размножения организмов": "последующее поколение прямо и быстро упраздняет своих предшественников и обличает в бессмысленности их существование, чтобы быть сейчас, в свою очередь, обличённым в такой же бессмысленности существования со стороны своих собственных порождений".

Соловьёв, как Фёдоров, призывает выйти из этой бесконечной смены поколений, из порочного чередования рождений и смертей. Он предлагает обратить энергию, содержащуюся в плотской любви, на борьбу против смерти, так как одна любовь имеет достаточно силы, чтобы “оправдывать безусловное значение личности в действительности”, “действительно избавлять нас от неизбежности смерти”, поскольку она “наполняет абсолютным содержанием нашу жизнь”.

Эта борьба со смертью требует моральной солидарности всех людей, их объединения и совокупного стремления к совершенству. Особенно роднит Соловьёва с Фёдоровым идея, что борьба со смертью требует нового отношения к природе и расширения человеческой истории до космических пределов. Но эта видимая близость на самом деле держится на некотором недоразумении, поскольку Фёдоров решительно отвергает идею трансцендентности и призывает восстановить все предыдущие поколения здесь же, в пределах земной реальности. Это не до конца выраженное расхождение и составляет подоплёку их напряжённого диалога в течение многих лет.

Tatiana Litvin

The Russian Christian Academy of the Humanities

ТЕОКРАТИЯ ORDO AMORIS В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ОНТОЛОГИИ

В докладе планируется сравнить идеи Соловьёва как типичные для философской антропологии его эпохи и постмодернистскую рецепцию платонизма, преимущественно у А. Бадью. Будут рассмотрены возможные влияния и трансформации в понимании христианской любви, с опорой на теологию и религиозную критику конца 20 – начала 21 веков (Дж. Агамбен, Дж. Капуто и др.). Актуальность метафизики и теократии любви Соловьёва будет поставлена в контекст западных дискуссий постсекулярного века.

Ruslan Loshakov

Institute for Russian and Eurasian Studies (Uppsala)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОПЫТА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

Вторая часть “Теоретической философии” Владимира Соловьёва может быть рассматриваемая как набросок феноменологии опыта, которая критически противопоставлена как традиции английского эмпиризма, так и трансцендентализму Канта. В эмпиризме опыт всегда дан в рефлексивной установке, и поэтому является продуктом его психологической интер-

претации, а не как опыт сам по себе. Кроме того, в рамках данной установки возникает неразрешимая проблема психологического генезиса логики. Однако, если опыт берется в нереплексивной позиции, то, как показывает Соловьев, то в нем открывается динамическое измерение, которое принадлежит самому опыту, а не привносится в него деятельностью субъекта познания, как это считает Кант. "Психический факт" вовсе не является непосредственной данностью опыта; напротив, в нем открывается пространство различия, в котором предмет восприятия не сводится к восприятию предмета, поскольку содержание восприятия оказывается заведомо больше самого восприятия. Здесь Соловьев предвосхищает различие акта и содержания акта, положенного Эдмундом Гуссерлем в основание феноменологических дескрипций, данных им в "Логических исследованиях". Вместе с тем, феноменология опыта Соловьева позволяет понимать сознание не как тождество "Я" (self), которое, согласно Локку, является необходимой предпосылкой мышления, а также не как трансцендентальную форму, сопровождающую, по словам Канта, все наши представления, а как само Различие, в силу которого содержание опыта превышает его психологический контекст.

Mikhail Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И МАКСИМ ИСПОВЕДНИК: МЕТАФИЗИКА И БОГОСЛОВИЕ ЛЮБВИ

Доклад посвящен практически неисследованной теме – сопоставительному анализу метафизических, антропологических и богословских оснований учения о любви Владимира Соловьева и прп. Максима Исповедника. Ставится задача уяснения степени влияния воззрений Максима Исповедника на учение Вл. Соловьева.

Анализируются источники – сочинения Вл. Соловьева, посвященные Максиму Исповеднику. Отмечается высокая оценка, которую дает Вл. Соловьев учению и деятельности Максима Исповедника ("знаменитый деятель и учитель церковный самый сильный, после Оригена, философский ум на христианском Востоке, глубокий знаток Платона, Аристотеля и неоплатоников"). Вл. Соловьев посвящает Максиму Исповеднику статью в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, упоминает его имя и ссылается на его сочинения в работах "Понятие о Боге (В защиту философии Спинозы)" – в связи с обсуждением вопроса об абсолютности Божества, "О духовной власти в России" – в связи с критикой отсутствия в России самостоятельной духовной науки, "Великий спор и христианская политика" – в связи с рассмотрением ереси монофелитства и ее обличением Максимом Исповедником, а также в связи с признанием преподобным авторитета Римского престола. Предметом анализа являются также относящиеся к рассматриваемой теме сочинения В.С. Соловьева "София", "Чтения о Богочеловечестве", "Смысл любви", "Жизненная драма Платона", "Оправдание добра".

Исследование основывается на анализе ряда сочинений Максима Исповедника: “Главы о любви”, “Послание к Иоанну Кубикулярию о любви”, “Диспут с Пирром” и др. К анализу проблемы привлекаются исследования российских и зарубежных авторов, посвященные метафизическим, антропологическим и богословским воззрениям Владимира Соловьева и прп. Максима Исповедника: Г.И. Беневица, Н.А. Бердяева, С.Л. Епифановича, В.В. Зеньковского, А.Ф. Лосева, И. Мейендорфа, К. Мочульского, В.М. Лурье, В.В. Петрова, А.И. Сидорова, A.G. Cooper, J.-Cl. Larchet.

Дан анализ метафизических и богословских концепций Вл. Соловьева и Максима Исповедника, исходящих из признания христианства как религии богочеловеческой. Рассматриваются проблемы свободы и воли личности, призванной “соединить посредством любви тварную природу с нетварной через принятие благодати”. Анализируется учение Максима Исповедника о человеке как субъекте свободы, природа сознания которого никогда не является индивидуальной, схизматически изолированной, но коллегиальной и “богочеловеческой”.

Излагаются взгляды Максима Исповедника на соотношение Божией и человеческой любви, утверждающего, что “любовь Божия и любовь человеческая являются двумя сторонами одной всеобщей любви”.

Рассматривается тезис Вл. Соловьева: “Дело истинной любви прежде всего основывается на вере. Коренной смысл любви (...) состоит в признании за другим существом безусловного значения. (...) Мы должны под верою в предмет нашей любви разуметь утверждение этого предмета как существующего в Боге и в этом смысле обладающего бесконечным значением. Разумеется, это трансцендентное отношение к своему другому, это мысленное перенесение его в сферу Божества предполагает такое же отношение к самому себе, такое же перенесение и утверждение себя в абсолютной сфере. Признавать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу, только утверждая его в Боге, следовательно, веря в самого Бога и в себя как имеющего в Боге средоточие и корень своего бытия”. Рассматривается утверждение Вл. Соловьева о том, что “смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма” и “действительно спастись, т.е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми”. Определение любви как оправдания и спасения индивидуальности через жертву эгоизма, данное Вл. Соловьевым, отражает нравственный аспект христианского понимания любви. Духовное совершенствование, ведущее к преодолению эгоизма и непроницаемости личностей друг для друга, не ведет к исчезновению этих личностей. Христианство усматривает в любви сущность Самого Бога, поэтому личность любящего человека как Его образа и подобия не только не растворяется, но приближается к уподоблению Творцу, утверждается и раскрывается во всей своей полноте и величии. Такое понимание любви сближает понимание ее сущности и оснований Вл. Соловьевым и Максимом Исповедником.

- Maksim Ispovednik. 1993. Glavy o lyubvi. In *Tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika*. Book I. *Bogoslovskie i asketicheskie traktaty*. Tr. A.I. Sidorov. S. 96–145. Moskva.
- Maksim Ispovednik. 1993. Poslanie k Ioannu Kubikulariyu o lyubvi. In *Tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika*. Book I. *Bogoslovskie i asketicheskie traktaty*. Tr. A.I. Sidorov. S. 146–153. Moskva.
- Maksim Ispovednik. 2004. *Disput s Pirrom: prp. Maksim Ispovednik i khristologicheskie spory VII stoletiya*. Red. D.A. Pospelov. Moskva.
- Isikhazm. Annotirovannaya bibliografiya*. 2004. Red. S.S. Khoruzhiy. Moskva.
- Solov'ev, V.S. 1966. Zhiznennaya drama Platona. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 9. S. 194–241. Bryussel'.
- Solov'ev, V.S. 1896. Lyubov'. In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*. Vol. XVIII. S. 216–217. Sankt-Peterburg.
- Solov'ev, V.S. 1970. Solov'ev, V.S. Maksim Ispovednik. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 12. S. 598–599. Bryussel'.
- Solov'ev, V.S. 1966. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya*. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 8. Bryussel'.
- Solov'ev, V.S. 1966. Ponyatie o Boge. (V zashchitu filosofii Spinozy). In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 9. S. 3–29. Bryussel'.
- Solov'ev, V.S. 1966. Smysl lyubvi. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 7. S. 3–60. Bryussel'.
- Solov'ev, V.S. 2000. Sofiya. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 2. S. 9–161. Moskva.
- Benevich, G.I. 2013. *Kratkaya istoriya "promysla" ot Platona do Maksima Ispovednika*. Sankt-Peterburg.
- Berdyaev, N.A. 1937. Vladimir Solov'ev i my. *Sovremennyye zapiski*. Vol. XLIII. S. 359–373.
- Epifanovich, S.L. 2009. *Prep. Maksim Ispovednik i vizantiyskoe bogoslovie*. Sankt-Peterburg.
- Zen'kovskiy, V.V. 1991. *Istoriya russkoy filosofii*. Vol. 2. Leningrad.
- Козырев, А.П. 1995. Smysl lyubvi v filosofii Vladimira Solov'eva i gnosticheskie paralleli. *Voprosy filosofii*. No 7. S. 59–78.
- Losev, A.F. 2009. *Vladimir Solov'ev i ego vremya*. Moskva.
- Лурье, В.М. 2006. *Istoriya Vizantiyskoy filosofii. Formativnyy period*. Sankt-Peterburg.
- Meyendorf Ioann. 1992. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie (Konspekty lektsiy)*. Tr. L. Volokhonskaya. Vil'nyus – Moskva.
- Petrov, V.V. 2007. *Maksim Ispovednik: ontologiya i metod v vizantiyskoy filosofii VII v.* Moskva.
- Semenova, S.G. 1994. "Smysl lyubvi" Vladimira Solov'eva. In *Tayny tsarstviya nebesnogo*. S. 358–370. Moskva.
- Sidorov, A.I. 1993. Prepodobnyy Maksim Ispovednik: epokha, zhizn', tvorchestvo. In *Tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika*. Book I. *Bogoslovskie i asketicheskie traktaty*. Tr. A.I. Sidorov. S. 7–74.
- Khorie, Kh. 2003. K ponimaniyu "smysla lyubvi" Vladimira Solov'eva. *Solov'evskie issledovaniya*. Vol. 7. S. 60–67.
- Cooper, A.G. 2005. *The Body in St Maximus the Confessor*. Oxford.

Larchet J.-Cl. 1996. *La divinisation de l'homme selon saint Maxime le Confesseur*. Paris.

Larchet J.-Cl. 1998. *Maxime le Confesseur, médiateur entre l'Orient et l'Occident*. Paris.

Larshe, Zh.-K. 2004. *Maksim Ispovednik – posrednik mezhdu Vostokom i Zapadom*. Tr. O. Nikolaeva. Moskva.

Ondrej Marchevsky

University of Presov

HOW TO MAKE OUR LOVE REAL OR SEXUAL LOVE AND THE PROBLEM OF THE OTHER IN THE PHILOSOPHY OF V.S. SOLOVIEV

Paper is an attempt to present the motive of sexual love and its role in the philosophical conception of Vladimir Sergeyevich Soloviev. The paper is based upon the ideas presented in works *Justification of the Good*, *The Meaning of Love*, *A Story of Anti-Christ*. The role of sexual love is presented here in the context of wider perspectives and aims of Soloviev's philosophy. A specific problem arises here; the problem of overcoming individual's egoism, which is common for every person. This egoism is an obstacle for reaching the goal; the great human goal in the way how the Russian philosopher understands it, or as it has been given to us from God. The problem of egoism is directly connected with the problem of accepting another person as an equal, together with his/her necessary otherness, which can be either better or worse. The problem of the relationship towards the other is by Soloviev understood as a problem of two dimensions; a dimension in which it reflects the relationship between two people and the dimension of the relationship towards all other people. To accept the otherness of others, what is extremely difficult, it is necessary to overcome the initial barrier by having an immediate contact with another person. To recognize the other as my equal is the first step to reach the great human goal. Sexual love between man and woman (according to Soloviev necessarily between man and woman) is a good opportunity, but not a necessity, to open oneself to all other people, to all others. The problem of accepting the other as equal is fundamental and contemporary and Soloviev's perspective offers an interesting view on man's action. The actuality is significant because Soloviev does not talk about an option to accept the other as oneself, but he directly connects it with the principle of duty towards the other and the responsibility for the other and one's action towards others. This type of action can have wide consequences as, in Soloviev's conception, to reach the great human goal is connected with an institutionalized superstructure, too. This represents his conception of liberal theocracy as a Christian state which implements Christian politics.

Bernard Marchadier

Retired International Civil Servant (United Nations), Paris

LOVE AND MARRIAGE IN SOLOVIOV'S JUSTIFICATION OF GOOD

1. The experience and mystics of Eros

Vladimir Soloviev had an amorous complexion combined with a great philosophical genius and profound ascetic and mystical aspirations. He tried all his life to associate these components of his personality into a dynamic philosophy and spirituality of human love.

A lot is known – mostly from Soloviev himself – about his romantic passions in his youth and in later life. The best known sources are his poem *Three Encounters* and his short story *At the Dawn of a misty Youth*. But in both romantic experiences one finds a mystical streak: the young girl he fell in love with at the age of ten and the lady he meets on the train as a young man both turn out to be for him what Beatrice was for Dante : a manifestation of light and heavenly beauty vanishing into a mystical light. Throughout his (short) life, Soloviev's romantic involvements were also mystical experiences, and his romantic failures mystical failures.

2. Ascetic aspirations

At the same time, one finds in Soloviev, especially in his younger years, a profound aspiration to an ascetic life. He considers that a wise man should refrain from sex and marriage to lead a life of heightened spirituality. Under the influence of gnostic readings, Soloviev tends then to have a severe and dualistic view of life, considering that the flesh is bad. Using a pun based on two homonymous words, he affirms that *brak* (marriage) is *brak* (waste).

3. Overcoming dualism

But dualism was in the end alien to Soloviev (and in that sense, he was a genuinely orthodox Christian). If angels are pure spirits so are demons (who are bad angels), and man is superior to angels in the sense that he is called to spiritualize the matter of the world. Whatever lower impulses he feels within himself should be put to use in order to move forward towards higher goals, just like coal and water move the train's steam engine (see his short story *Two streams*). But Soloviev always tended to consider that the physical conditions of the act of procreation made it bad, or at least unworthy of the vocation of man.

4. Love in the City

Soloviev was a profoundly moral person. For him, the feeling of *styd* (shame, *pudor*) was at the root of moral life and man could be defined as "an animal capable of shame". Soloviev had been

brought up in a well established honest family with many children. Like so many bourgeois families in Russia, it tended to be patriarchal, and it is no wonder that Soloviev considered fatherhood, the image of the father and the ancestors, as the origin of the religious feelings in mankind. In his *Justification of the good* (1897), he saw the Law of the City as „organized pity” (just like the Church is „organized piety”). Marriage is Love under the Law, and then it becomes acceptable. Marriage makes possible the family, which is the elementary cell of universal brotherhood. Man being a „political animal” (Aristotle) can only find his full inner development in society, in the City, and in conforming himself to its laws. Although it remains true that, to be perfect, a conjugal union should exclude procreation, as men are living in social conditions which are far from perfect their children may be expected to accomplish what has been left undone by their parents.

5. Conclusion

As we see, there is always, in Soloviev, an aspiration to what he calls perfect *unitotality*, to *absolute* Beauty or *absolute* Good, a kind of spiritual maximalism, which tends, in the end, to jump over partitions which to us seem necessary and normal (as they seem to Mr. Z. in the *Three Conversations*). For example, in the case of the City and Love, one finds in several of his writings the idea that, according to some traditions, Rome, the city of cities, is not just a city or just *the* City, but that its name (*Roma*) should be read the other way round as *Amor*. Or, in a famous poem, we find Soloviev, disappointed with his love affairs with real ladies, falling *really* in love with a frozen Finnish lake (lake Saima). No doubt, it is, in the eyes of the reader of his works, a source of both inspiration and bewilderment.

Inga Matveeva

Russian State Institute of Performing Arts

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Л. ТОЛСТОГО И ВЛ. СОЛОВЬЕВА: ЕДИНСТВО И РАСХОЖДЕНИЯ

Период знакомства и активного общения Л. Толстого и Вл. Соловьева в 1880-х – начале 1890-х годов сменился периодом отчуждения и резкой взаимной критики. На первый план вышли разногласия, принципиальные различия религиозных представлений. Известны достаточно резкие замечания Толстого о том, что Соловьев „мыслитель головной”, он „балуется религией”, „в нем нет бессознательной внутренней оригинальности”. В свою очередь, Соловьев критически отзывался даже о художественных произведениях Толстого, признавая за писателем лишь „яркое изображение всяческих подробностей в жизни человека и природы”.

На первый план многочисленных исследований об отношениях, спорах Толстого и Соловьева выходили принципиальные отличия религиозных взглядов мыслителей, однако на

современном этапе особый интерес вызывают схождения религиозно-философских представлений, общность этических исканий, близость представлений о назначении человека.

Главный элемент религиозной концепции Соловьева – идея Богочеловечества, которая означает, что Бог непосредственно действует в мире через человека и человечество, и подлинной реальностью и подлинной связью с Богом обладает именно человечество, тогда как отдельная личность иллюзорна или вторична по отношению к единству всех людей. Близкие положения определяют религиозные взгляды Толстого: Бог для Толстого – это “нечто бестелесное, дающее жизнь всему”, это внутреннее духовное единство всех живых существ. Бог действует в нас, по мысли Толстого, “расширяя” границы своего влияния в пространстве, т.е. расширяя сферу телесности, которая подчинена законам совершенства. То же самое имеет в виду Соловьев, когда утверждает, что Бог через нас и нашими силами преобразует материальный мир, ведет его к совершенству.

Традиционно в качестве главного этического принципа Толстого выделяют постулат о “непротивлении злу насилием”. Однако, как поясняет Толстой в последней своей работе “Путь жизни” (1910), этот принцип нужно понимать не как этический, а как религиозный, как предельное требование для людей, осуществивших в себе закон божественной жизни. В этике Толстого главное – умеренный аскетизм, требование к подчинению плоти духу. Толстой акцентирует внимание именно на становление плоти “орудием” духа. То же самое утверждает Соловьев во второй главе книги “Оправдание добра”: плоть, по Соловьеву, “служит материей или скрытою (потенциальной) основой духовной жизни”.

Следует обратить внимание на наличие одного принципиального разногласия в мировоззрении двух мыслителей, оно касается понимания идеи бессмертия. Соловьев утверждал, что он окончательно разошелся с Толстым именно потому, что писатель не признавал чудо воскресения и не принимал значение образа Иисуса Христа как символа воскресения. Однако вывод Соловьева о том, что Толстой, отрицая воскресение, тем самым не верил в бессмертие, является ошибочным. Толстой отрицал не столько воскресение, сколько саму смерть. Воскресение является необходимым элементом идеи бессмертия только при признании существенности смерти: если смерть абсолютно прерывает жизнь человека, то для бессмертия необходим божественный акт воскресения, т.е. возвращения к жизни. Толстой же считал смерть иллюзорной: смерть не прерывает жизнь, а только ведет к ее трансформации, к преобразению в новую форму, поэтому понимание Толстым идеи бессмертия не требует воскресения.

В рамках религиозных воззрений Толстого, понимание бессмертия через акт воскресения, восстанавливающего жизнь, прерванную смертью, – это концепция, заимствованная церковным христианством из иудаизма. Как известно, он считал церковное учение ложной и искаженной версией христианства.

Timofej Murasov

Vilnius University

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ ВСЕЕДИНСТВА И ЕДИНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИТИКИ ФИЛОСОФИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА ЛЬВОМ ШЕСТОВЫМ

Взаимоотношение философии Владимира Соловьева и Льва Шестова является богатой темой для исследования. С одной стороны Шестов подвергает учение Владимира Соловьева о Всеединстве резкой критике. По мнению Шестова, в философии Соловьева отрицается свобода личности. Однако сам Соловьев утверждал, что между личностью и Всеединством нет противоречия. Так тема взаимоотношения свободы личности и Всеединства становится точкой пересечения двух мыслителей. Выраженная в более общем виде она предстает как тема связи единичности и Всеединства. Противоречит ли концепция Всеединства свободе единичности? Оба философа дают на этот вопрос противоположные ответы. Таким образом связь единичности и Всеединства становится проблемой. Этой проблеме и посвящен данный доклад. По мнению Шестова, система Соловьева является панлогизмом, что однозначно решает вопрос не в пользу свободы единичности. Однако Шестов упускает ряд важных моментов в философии Владимира Соловьева. Исследование трактата “Критика отвлеченных начал” выявляет более сложное отношение Соловьева к проблеме рациональности. Это отношение чрезвычайно сходно со взглядами самого Льва Шестова – оба они не признают за разумом прав самодержца. Разум вторичен по отношению к вере. Однако в философии Льва Шестова вера есть сила спасающая человека от разума. Вера – это центр сотериологии Шестова, в то время как у Владимира Соловьева вера есть основание разума, а не отрицание его. По мнению Соловьева, спасение есть не преодоление рациональности, а преодоление недолжного состояния Бытия. Шестов, делая акцент на гносеологии, видит причину зла в разуме подчиняющем все универсальным законам; Соловьев же смотрит на проблему зла как на проблему онтологическую – зло есть раздробленное состояние бытия. Однако и в первом, и во втором случае зло определяется одним словом – абстракция. Противоположное состояние есть предельная конкретность – это положительный момент сотериологии обоих мыслителей. Развивая учение о Всеединстве как о предельно конкретном Соловьев приходит к учению о конкретности единичного. Шестов же отталкиваясь от учения о конкретности единичности идет путем ведущим к учению о конкретности Всеединства, хоть и не развивает этого направления. В итоге оба мыслителя сходятся в учении о конкретном, которое может быть выражено предельно лаконичным образом: Единичность есть Всеединое, Всеединое есть Единичность.

Akhutin, A. 1997. O vtorom izmerenii myshleniya. L. Shestov i filosofiya. In *Tyazhba o bytii*. S. 27–274. Moskva.

Berdyayev, N. 2016. Drevo zhizni i drevo poznaniya (L. Shestov. “Na vesakh Iova. Stranstvovanie po dusham”). In *L.I. Shestov: pro et contra, antologiya*. S. 361–377. Sankt-Peterburg.

Beschetnova, E. 2016. “Opravdanie Vladimira Solov’eva”: Shestov protiv Solov’eva. In *Derznoveniya i pokornosti*

- L'va Shestova: *Sobrník nauchnykh statey k 150-letiyu so dnya rozhdeniya filosofa*. S. 104–114. Sankt-Peterburg.
- Bibikhin, V. 2009. *Chtenie filosofii*. Sankt-Peterburg.
- Bibikhin, V. 2015. Mir. In V. Bibikhin. *Mir. Язык философии*. S. 5–141. Sankt-Peterburg.
- Evlampiev, I. 2000. *Istoriya Russkoy metafiziki v XIX–XX vekakh. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta*. Part I. Sankt-Peterburg.
- Kuzanskiy, N. 1980. Igra v shar. In N. Kuzanskiy. *Sochineniya v 2 tomakh*. Vol. 2. S. 251–317. Moskva.
- Porus, V. 2008. V. Solov'ev i L. Shestov: edinstvo v tragedii. In *U kraya kul'tury: ocherki o russkoy filosofskoy mysli ot Vladimira Solov'eva do Gustava Shpeta*. S. 48–71. Moskva.
- Pyatigorskiy, A. 2015. Lev Shestov. In *Svobodnyy filosof Pyatigorskiy, v 2 tomakh*. Vol. 2. S. 130–139. Sankt-Peterburg.
- Solov'ev, V. 1988. Kritika otvlechennykh nachal. In V. Solov'ev. *Sochineniya v 2 tomakh*. Vol. 1. S. 581–757. Moskva.
- Solov'ev, V. 1991. Smysl lyubvi. In V. Solov'ev. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika*. S. 99–161. Moskva.
- Frank, S. 2009. Real'nost' i chelovek. In S. Frank. *Real'nost' i chelovek*. S. 3–341. Minsk.
- Shestov, L. 1992. *Kirkegard i ekzistentsial'naya filosofiya (Glas vopiyushchego v pustyne)*. Moskva.
- Shestov, L. 1993. Afiny i Ierusalim. In L. Shestov. *Sochineniya v 2 tomakh*. Vol. 1. S. 317–664. Moskva.
- Shestov, L. 1993. Potestas Clavium (Vlast' klyuchey). In L. Shestov. *Sochineniya v 2 tomakh*. Vol. 1. S. 17–317. Moskva.
- Shestov, L. *Umozrenie i apokalipsis*. Online: www.vehi.net.
- Sodeika, T., Vidauskytė, L. 2015. Philosophy as Rigorous Science and/or as Tragedy: Husserl and Shestov. In *Faith and Reason in Russia Thought*. Ed. T. Obolevitch. P. Rojek. P. 183–197. Krakow.

Lenka Naldoniová

University of Ostrava

THE COMPARISON BETWEEN SOLOVIEV'S IDEA OF UNITOTALITY AND VERNADSKY'S NOOSPHERE

The idea of unitotality (*vseedinstvo*) is one of the central ideas of Soloviev's philosophy. We will compare Soloviev's idea of unitotality with Vernadsky's conception of noosphere or sphere of mind (*nous*) which is evolving from biosphere. The term "nous" was considered by both Plato and Soloviev as the faculty of the human mind necessary to contemplate the idea of Beauty. In Soloviev's view, man has to become active to help nature during the cosmic evolution to the Beauty. Soloviev and Vernadsky are also considered as part of the Russian cosmists. Soloviev was also influenced by the first Russian cosmist Fedorov, especially during a period of Soloviev's lectures on divine-humanity. We will also focus on Soloviev's lectures on divine-humanity and compare the idea of *vseedinstvo* in Soloviev and Fyodorov.

Vernadskij, V.I. 2012. *Biosfera i noosfera*. Moskva.

V.I. Vernadskij: *pro et contra*. 2000. Sankt-Peterburg.

Sobranie sochinenij Vladimira Sergeevicha Solov'eva v dvennadcati tomach. 1966–1970. Bruxelles.

Young, G.M. 2012. *The Russian Cosmists. The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and his Followers*. Oxford.

Bailes, K.E. 1990. *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions*. Vol. I. *Vernadsky and His Scientific School. 1863–1945*. Bloomington.

N.F. Fedorov: pro et contra. 2004. Vol. 1. Sankt-Peterburg.

Alexei Nesteruk

University of Portsmouth, Russian Christian Academy of Humanities

THE EXCESS OF THEANTHROPIC OVER THEOLOGICAL IN VLADIMIR SOLOVIEV'S INCARNATIONAL ANTHROPOLOGY AS AN HERMENEUTICS OF THE UNKNOWABILITY OF MAN (CONSEQUENCES FOR THE FAITH-REASON DIALOGUE)

The paper develops a view that V. Soloviev's vision of anthropology, where theanthropic (theandric) exceed theological, contributes to an open ended-hermeneutics of the human condition in which man cannot know himself. The paradox is that man exercises an image of God, being in communion with God, but as a creature not capable of attaining knowledge of its own facticity and destiny. We attempt to interpret this paradox through a sort of a phenomenological inversion, which was tacitly performed by Soloviev when he asserted that the highest task of humanity is to gather the universe in the idea so that the dualism of the human condition in the world, being split between its physical and organic life, and the potentially infinite capacity of articulating the universe, is being removed through the acquisition of the mind of the Logos himself who gathers the universe in reality. The ideal relatedness of all in God which acquired reality in Christ is represented by Soloviev as existent not only inwardly (in man's faculty of reason), but outwardly, in a concrete and material form through the incarnation. The acuteness and anxiety of man because of his incomprehensibility of himself is being removed through the movement of acquisition of the mind of the Logos, for whom the distance and separation in the universe do exist only as the logical moments of discernment of the plurality in unity. By outgrowing in Christ, using Soloviev's language, humanity does not define itself in a metaphysical sense, but changes the very sense of the question "What is man?" towards following Christ and effectively "becoming" him. This Christological move forms an open-ended hermeneutics of humanity in the conditions of its own unknowability. This analysis allows one, as a by-product, to assert that the apparent split between knowledge and faith, pertaining to the human created condition in communion with God, cannot be removed unless only in tendency, that is eschatologically, as a move towards deification in Christ.

Viktor Okorokov

Oles Honchar Dnipro National University

АРХЕТИПИЧНОСТЬ РОДОВОГО СОЗНАНИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

Изучение творчества Вл. Соловьёва в контексте неклассических (психоаналитических, феноменологических, экзистенциальных и даже структуралистских) текстов дает возможность обнаружить наличие родового сознания в его базовых установках. Речь идёт о наличии родовых процедур в философском учении Вл. Соловьёва, которые более предметно были раскрыты значительно позже в европейской культуре (представителями социологии и психологии религии – У. Джеймсом, Э. Дюркгеймом, З. Фрейдом, К.-Г. Юнгом и др.).

Опираясь на русскую (преимущественно, славянофильскую) и западноевропейскую философские традиции и пытаясь разобраться в истоках европейского позитивизма и его связи с религиозными концепциями, Вл. Соловьёв пришел к необходимости формирования новых представлений о человеке, необходимости создания новой религиозно-нравственной антропологии (в противовес ницшеанскому сверхчеловеку, разрушившему классические истоки всякой морали).

Вл. Соловьёв рассматривает мифологический процесс в динамике опосредующих форм (обусловленный, на языке структуралистов, динамикой бинарных оппозиций), происходящий в мифологическом сознании (хотя сам этот процесс и является человеку в виде образов), и объективность его вовсе не в том, что он касается перехода от монотеизма к фаллическому богу, а в том, что его объективной основой является человеческое сознание, в котором этот процесс происходит. Фактически, русский философ инициирует связь родовых (первобытных) процессов с религиозно-мифологическим сознанием. Отсюда с учётом бессознательного духа Э. фон Гартмана остаётся сделать только один шаг в направлении бессознательного и архетипов. Философское чутьё Вл. Соловьёва выводит его на те же источники, которые легли в основу философской лингвистики Ф. де Соссюра (шеллингизм и сравнительное языкознание М. Мюллера).

Фактическое использование родового сознания Вл. Соловьёв непосредственно осуществляет в более позднем произведении “Критика отвлечённых начал”. Причём объектом непосредственного применения родовых процессов является в творчестве Вл. Соловьёва преимущественно человеческий процесс, воплощённый в теории права.

Толчком к пониманию родовой процедуры является для Вл. Соловьёва мифологическое сознание (1873), а в более поздних произведениях – родовой процесс, привязанный к теории права и этического начала (1877).

Вл. Соловьёв разделяет родовой и исторический процесс, первоначально приводя это разделение в соответствие с имеющимися теориями (естественного и позитивного права). Но это даёт ему возможность высвободить разные потоки, происходящие в человеческом сознании.

На этом этапе творчества Вл. Соловьёва волнуют две основных проблемы – механизм возникновения общества (это прежде всего родовой процесс), который скрывается за системой мифов, языка, культуры (пришедших из первобытного общества) и механизм дальнейшего становления общества (эволюционно-исторический процесс).

Из феноменального ощущения важности родового духа рождается у него представление о нравственных первопричинах бытия общества. Таким образом, ещё в восьмидесятых годах XIX в. Вл. Соловьёв проводит, с одной стороны, сравнительный анализ религиозных верований (намного опережая У. Джеймса), а с другой – использует родовое (коллективное) начало (предвосхищая социально-религиозные идеи Э. Дюркгейма и К.-Г. Юнга). Причём родовые потоки используются русским философом для того, чтобы найти первопричины исторического единства религиозно-мифологических, правовых и социальных потоков бытия общества. Фактически, он создаёт новый метод критики чистого и практического разума (как критики отвлечённых начал). Этот метод применяется не к статическим идеям, понятиям и категориям, а к изменяющимся потокам бытия общества. Вл. Соловьёв раскрывает способы исследования сущности принципов всеединства, софийности и нравственности, как идеальные средства исследования бытия общества.

Поставив нравственность выше правовых механизмов, Вл. Соловьёв фактически хочет примирить обе ветви социального устройства. Нравственность, которую обнаружили греки, – универсальное начало, присутствующее в существовании любого социального субъекта независимо от его волевых проявлений. Именно её уникальные надправовые, надсоциальные и, как говорили греки, надбожественные свойства дали Вл. Соловьёву первоначальный толчок для продумывания проблемы всеединства, точнее, всеединства социального пространства.

Trubetskoy, E.N. 1995. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva*: v 2 t. Vol. 1. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1966. Chteniya o Bogochelovechestve. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*: v 16 t. Vol. 3. S. 3–184. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1970. Rossiya i Vselenskaya Tserkov'. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*: v 16 t. Vol. 11. S. 143–348. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1966. Dukhovnye osnovy zhizni. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*: v 16 t. Vol. 3. S. 299–430. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1966. Mifologicheskiy protsess v drevnem yazychestve. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*: v 16 t. Vol. 1. S. 1–26. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1966. *Kritika otvlechennykh nachal*. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy: v 16 t. Vol. 2*. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1970. *Znachenie gosudarstva*. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy: v 16 t. Vol. 12*. S. 321–531. Bryussel'.

Svetlana Panich

St. Andrews Biblical Theological Institute

SOLOVIEV AND RABINOVITCH: SOME REMARKS ON JEWISH-CHRISTIAN ISSUES IN VLADIMIR SOLOVIEV'S HERITAGE

Among numerous Soloviev's correspondents and companions there was Iosif Rabinovitch, a founder or the very specific religious community, oriented, as Soloviev wrote, "directly to the Jewish Christianity of the 1st century". They met in 1885 and had several talks that deeply impressed both sides. The purpose of the proposed talk is to analyze Soloviev's vision of Jewish Christian community founded by Rabinovitch as eschatological sign, a prophecy of the future all-unity as well as one of the earthly manifestations of metaphysics of love, and to show how the idea of "New Testament Israel" can be put in the broader context of Soloviev's vision of Jewish issues. Also some aspects of Soloviev's criticism of Rabinovitch's approach will be analyzed.

Solov'ev, V. *Talmud i noveyshaya literatura o nem v Avstrii i Germanii*. Online: http://www.odinblago.ru/soloviev_6/1.

Solov'ev, V. *Khristianstvo i evreyskiy vopros*. Online: <http://www.vehi.net/soloviev/solovevr.html>.

Solov'ev, V. *Novozavetnyy Izrail'*. Online: http://www.odinblago.ru/soloviev_4/8.

Solov'ev, V. *Iosif Rabinovich. Nekrolog*. Online: http://www.odinblago.ru/soloviev_9/28.

Martsinkovskiy, V. 1973. *V.S. Solov'ev i Evangelie*. Korntal'.

Articles, creed, and form of worship of Joseph Rabinowitz and the Sons of the New Covenant. 1885. Tr. J. Adler. London.

Kai Kjaer-Hansen. The Herzl of Jewish Christianity: Joseph Rabinowitz and The Messianic Movement. 1994. Eerdmans.

Rev. George Pattison

University of Glasgow

SOLOVIEV ON THE EVOLUTION AND METAPHYSICS OF LOVE

The paper approaches Soloviev's metaphysics of love in the light of the question concerning the relationship between biological evolution and love. Dante's *Divine Comedy* ends by speaking of the poet's vision of "the love that moved the sun and other stars". This expressive line captures the poet's belief that the power that moved or caused the powers of the material cosmos to come into being and to be sustained in being was the same power that manifested in love. In Dante's case, the primary instance of such love at a human level was his love for Beatrice, which becomes the means of bringing him to the ultimate realization of the love of God. Although Dante's vision remains paradigmatic for Christian thought, the poet's conception of the material cosmos was very different from that of Solovyov, since ideas of cosmic and human evolution lay many centuries in the future. Those ideas brought about significant disruption in Christian thought and continue to do so, not only because they provide a fuller account of the material causality involved in human origins but also because they depict natural selection as random and non-teleological. We must therefore ask whether Dante's optimism regarding the continuity between cosmic life and human love remains credible in an evolutionary age. The question is addressed by focusing on Soloviev's metaphysics of love. The Russian thinker was one of the first Christian thinkers to integrate ideas of evolution into a comprehensive theological scheme of thought. Drawing on the German Idealists, who had already taken significant steps towards thinking through the historical conditionality of human life and thought, Soloviev confronted the more radical development of historical understanding offered in the theory of evolution. Although older Neoplatonic as well as German Idealist sources can be seen in his work, it nevertheless attempts to integrate the modern scientific worldview, inclusive of evolutionary theory and early psychiatric medicine, into a Christian vision of all-unity. After setting out the broad outlines of Soloviev's vision, the paper will consider how far it succeeds, particularly with regard to key issues relating to death and immortality and the relationship between the material and spiritual. In doing so it will also compare Soloviev's solution to later attempts to think together evolution and Christian theology, including those of Teilhard de Chardin and Paul Tillich. The paper concludes that although it requires certain points of revision, Soloviev's metaphysics of love remains a significant resource for contemporary Christian thought.

Jeremy Pilch

St Mary's University, Strawberry Hill

VLADIMIR SOLOV'EV AND "FREE THEOCRACY": BUILDING A CHRISTIAN SOCIETY

This paper will examine the views of Vladimir Solov'ev on "free theocracy", one of the constant themes of his work. It will argue that Solov'ev's writing on Church-state relations in the 1890s, particularly as expressed in *Justification of the Good*, is not so much a repudiation of his *Theocracy* (1885–1887) as a different approach to achieving that free theocracy which he had established as the Christian ideal in his work of the 1870s. Having set out Solov'ev's basic positions, I will consider them in the context not only of Orthodox and Slavophile views, but also Catholic teaching on Church and state in the 1880s and 1890s, especially the "ralliement" of Pope Leo XIII, announced in 1892. In conclusion I will evaluate the significance of Solov'ev's approach to the ideal of a Christian society in the context of contemporary Europe.

Randall A. Poole

College of St. Scholastica

HUMANITY, DIVINITY, AND ALL-UNITY IN VLADIMIR SOLOV'ĚV'S CRITIQUE OF ABSTRACT PRINCIPLES

Vladimir Solov'ev is generally taken to be Russia's greatest philosopher, certainly its greatest religious philosopher. In 1880 he defended and published his doctoral dissertation, *Critique of Abstract Principles*. One of the great works in the history of Russian thought, it laid the foundations of the Russian religious-philosophical renaissance that began in earnest a decade or two later. In some ways it is Solov'ev's most comprehensive work, in that it not only systematically treats his ethics (including social philosophy) and epistemology, but it also deals with his metaphysics, since for him divine-human reality (the absolute as being and becoming) was the ground and object of morality and knowledge. The treatise presents Solov'ev's project for a metaphysics of the "unity of all" (*vseedinstvo*), which conceives the cosmos as the manifestation of the divine absolute in the process of its own becoming or self-realization. The unity of all, the return of (perfected) creation to the creator, is to be achieved through Godmanhood, the ideal of humanity's self-realization in and union with God (deification or theosis). *Critique of Abstract Principles* is an essential exposition of Solov'ev's ideas of humanity and divinity, of his concepts of Godmanhood and all-unity, and of his projects of "free theocracy" and "free theosophy" (if not also of "free theurgy").

Critique of Abstract Principles is the last of Solov'ev's major philosophical works to be translated into English – a task that has been completed (in manuscript) by the indefatigable Boris Jakim. I am writing an introduction to the volume, in which I attempt to show what makes Solov'ev's treatise

tise one of the great works of Russian idealism and religious philosophy. My paper for the 2019 Krakow conference will present a synopsis of the introduction.

Rev. Aleksander Posacki

Catholic Church

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И ЭЗОТЕРИЗМ

В докладе будут рассмотрены основные сочинения европейского эзотеризма и оккультизма (как гнозис или кабала) знакомство философа с которыми выглядит несомненным или предполагаемым с большой степенью вероятности. Таким образом, мы пытаемся реконструировать "круг оккультного чтения" философа, влияние эзотеризма и оккультизма на его мировоззрение и также на его жизнь. Это будет попытка определения места "тайных наук" в мировоззрении и учении Владимира Соловьева. О знакомстве Владимира Соловьева с так называемыми тайными (оккультными) науками писали многие исследователи и мемуаристы, по-разному оценивая его интерес к этой области человеческого знания и опыта. Вместе с тем эта тема до сих пор не стала предметом специального исследования.

Halina Rarot

University of Technology Lublin

INTEGRAL MODELS OF LOVE (SOLOVIEV, WOJTYLA, STERNBERG)

The paper presents three integral models of love (V. Soloviev, K.Wojtyla, social psychologist Robert Sternberg) and looks for similarities and differences between them.

СОЛОВЬЕВ И ТЮТЧЕВ: ЕЩЕ ОДНО СОВПАДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЛЮБВИ

В 1895 году В. Соловьев написал статью “Поэзия Ф.И. Тютчева”. Он наново познакомил читателей со стихами Ф. Тютчева, уже лет 20 забытого после смерти. Эту статью Соловьева, в которой почти впервые успешно были показаны отличительные черты поэзии Тютчева, высоко оценивают и в наши дни. Соловьев отметил, что Тютчев “вполне и сознательно верил и в то, что чувствовал” и сравнил “живую природу” Тютчева с природой Шиллера, которая “только была жива”. Кроме того, там нетрудно найти их общее отношение к науке: они оба исследуют вселенную в ее единстве. Очевидно, что эта статья является мостом между русским романтизмом и символизмом.

Однако нам нельзя упускать из виду один странный факт. В этой статье Соловьев вплоть до 7 главы (всего глав 8), анализируя понимание природы Тютчева, живое отношение человека к природе и “темную основу” мироздания, отчетливо показывал эволюцию поэзии Тютчева. Соловьев проницательно отметил важный момент в поэтическом мире Тютчева – “злую жизнь, смущающую мир прекрасной природы” – и указал исход из этой злой жизни – образ Христа. Однако потом в 8 главе, используя образ Христа, он внезапно связывал философские стихотворения Тютчева с его политической поэзией. В конце статьи Соловьев рассказывал о предназначении России, единстве в любви и христианском царстве. Он уже отчасти отошел от таких тем, как природа и отношение человека к природе.

Исследуя творчество Тютчева, Соловьев мало обратил внимание на его любовную лирику 1850-х годов, когда одновременно он писал стихи о Христе. В связи с темой “природа и человек” в этой любовной лирике можно найти особую героиню, которая исполняет роль посредника между прекрасной природой и человеком. Этот образ, с точки зрения философии, напоминает “Софию” и “Вечную женственность” Соловьева.

В своем докладе я попытаюсь проанализировать еще не отмеченное ранее сходство между их пониманием любви и женщины, опираясь на философию Шеллинга, который оказал влияние как на Соловьева, так и на Тютчева.

Solov'ev, V.S. 1990. *Literaturnaya kritika*. Moskva.

Fatyushchenko, V.I., Tsimbaev N.I. 1990. Vladimir Solov'ev – kritik i publitsist. In V.S. Solov'ev. *Literaturnaya kritika*. Moskva.

Florovskiy, G.V. 1933. Tyutchev i Vladimir Solov'ev. *Put'*. No 41.

Gulyga, A.V. 1982. *Schelling*. Moskva.

Losev, A.F. 1990. *Vladimir Solov'ev i ego vremya*. Moskva.

Epshteyn, M.N. 2017. Russkaya sverkhdeya: tselostnost'. Vse ili nichego. *Zvezda*. No 11.

Daniele Serretti

ITC "C. Battisti" Fano

THE DYNAMICS OF LOVE IN PHILOSOPHY OF SOLOVIEV

I consider dynamics of love in Soloviev's philosophical system in the dimensions of: origin (*origo*: the metaphysic of love in God and in Trinity's economy), participation (*participatio*: the creation of man, the original sin), cosmological dimension of love (*anima mundi*, Sophia), relation (*relatio*: love as relation man-woman), brotherhood in Christ (*germanitas*: love in the society; the Christian love; the solidarity between men and nations).

Solov'ev, V. 1911. *Pis'ma*. Sankt-Peterburg.

Solov'ev, V. 1911–1914. *Sobranie sochinenij V.S. Solov'eva v 10 tomach*. Sankt-Peterburg.

Jonh Paul II. *Catechesis on human love*. Online: www.vatican.va.

Lubac, H. de. 2014. *La postérité spirituelle de Joachim de Flore*. Paris.

Balthasar, H.U.V. 2009. *The Glory of Lord*. Vol. III. San Francisco.

Tareev, M.M. *Osnovy christianstva*. Online: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Tareev/.

Berdjaev, N. 1989. *Tipy religioznoj mysli v Rossii*. Parizh.

Natalya Shelkovaya

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕЕДИНСТВА: ОТ ПЛОТИНА ДО ВЛ. СОЛОВЬЁВА

В докладе осуществляется попытка показать, что всеединство – это не абстрактная научная концепция, а отражение реального мира, поэтому все мистически одаренные мыслители, к числу которых принадлежал Владимир Соловьев, чувствовали всем своим существом всеединство и рефлексировали его в своем творчестве. По существу, всеединство – это вечная и бесконечная проблема, ибо речь идет о вечности и бесконечности Космоса как единого живого организма и его "ядре", "вечном программисте" жизни Вселенной – Боге. Для доказательства этой идеи осуществляется сравнительный анализ философских учений Платона, Плотина, Филона Александрийского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Николая Кузанского, Фридриха Шеллига и Владимира Соловьева, а также выдающихся религиозных мистиков, пришедших в мистическом опыте к идее всеединства, и показывается преемственность и переплетение их идей. Выявляется также причина сходства в своем ядре всех учений о Едином и всеединстве, заключающаяся в том, что духовный опыт обретается из единого Источника.

- Akulin, V.N. 1990. *Filosofiya vseedinstva*. Novosibirsk.
- Dionisiy Areopagit. 1991. Bozhestvennye imena. In Dionisiy Areopagit. *Misticheskoe bogoslovie*. S. 13–93. Kiev.
- Dionisiy Areopagit. 1991. Pis'mo Gayu monakhu. In Dionisiy Areopagit. *Misticheskoe bogoslovie*. S. 11. Kiev.
- Dionisiy Areopagit. 1991. Poslanie Timofeyu svyatogo Dionisiya Areopagita. In Dionisiy Areopagit. *Misticheskoe bogoslovie*. S. 5–10. Kiev.
- Kuzanskiy, N. 1979. Ob uchenom neznanii. In N. Kuzanskiy. *Sochineniya v 2 tomakh*. Vol. 1. S. 47–184. Moskva.
- Plotin. 1995. O tom, kak i pochemu sushchestvuet mnozhestvo idey, i o blage (VI 7). Tr. G.V. Malevanskiy. In Plotin. *Sochineniya. Plotin v russkikh perevodakh*. S. 186–245. Sankt-Peterburg.
- Plotin. 1996. *Enneady (II)*. Kiev.
- Solov'ev, V.S. 1999. Kritika otvlechenykh nachal. In V.S. Solov'ev. *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya*. Minsk.
- Solov'ev, V.S. 1911. Mifologicheskii protsess v drevnem yazychestve. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 1. S. 1–26. Sankt-Peterburg.
- Solov'ev, V.S. 1914. Razbor knigi kn. Sergeya Trubetskogo "Metafizika v drevney Gretsii". In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 6. S. 293–307. Sankt-Peterburg.
- Solov'ev, V.S. 1989. Chteniya o Bogochelovechestve. In V.S. Solov'ev. *Sochineniya v 2 t*. Vol. 2. S. 5–171. Moskva.
- Shelling, F.V. 1999. *Sistema mirovykh epokh: Myunkhenskie lektsii 1827–1828 gg. v zapisi Ernsta Laso*. Tomsk.

Lada Shipovalova

St Petersburg University

ИДЕЯ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ ВС. СОЛОВЬЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛИ

В современной теории познания достаточно актуальными представляются работы в области эпистемологии добродетели (*virtue epistemology*). Одна из предпосылок этого исследовательского направления, претендующего утвердить нормативный характер философских исследований познания, связана с объединением этики и эпистемологии. Существенным случаем этого объединения оказывается и поле научной деятельности, которое перестает трактоваться в отвлечении от общественных устремлений, от личности познающего. Это объединение относится, во-первых, к рассмотрению ценностей и добродетелей, оказывающихся средством поиска истины; во-вторых, к утверждению того, что поиск этот может быть не только связан с этической нормативностью, но даже подчинен ей (Code, Zagzebski, Greco).

Данное направление исследований может быть достаточным образом легитимировано в современности изменением статуса науки в контексте общественных взаимосвязей, очевидностью неоднозначных общественных эффектов научной деятельности, а также необходимостью открытости научного сообщества общению с непрофессионалами, с публикой. Представляется, однако, что концептуальные основания такого поля исследований разработаны недостаточно. Каковы условия синтеза этической и эпистемологической составляющей жизни и познания, субъективные и объективные источники объединения добродетельного поведения и познавательных устремлений, почему те или иные добродетели не просто по факту обуславливают стремление к истине, но и должны по существу предписываться в качестве таковых? Ответы на эти вопросы или не даются вообще, или скорее понимаются как предпосылки, чем предлагаются к обоснованию и критической рефлексии (“Достоинство знания”).

Именно эта недостаточность определяет возможность обращения к философским идеям В.С. Соловьева в контексте направления эпистемологии добродетели. В докладе предполагается рассмотреть идею цельного знания как возможное основание ответов на указанные вопросы. При этом предполагается анализ не только текста “Философские начала цельного знания”, но и следующих работ: “Критика отвлеченных начал”, “Оправдание добра”, и “Теоретическая философия”. Можно указать на исследовательский консенсус относительно значительной трансформации идей В.С. Соловьева в поздних работах. Однако возможно обнаружение и преемственности, связанной с тройственным объединением, во-первых, науки, философии и теологии как видов познания в “свободной теософии”; во-вторых, воли, мышления и чувственности как источников познания; в-третьих, блага, истины и красоты как объективных оснований деятельности (Свидерски, Мочульский, Зеньковский, Лосский).

Особое внимание будет уделено вопросу о том, как в контексте этого тройственного объединения В. Соловьев обращается к онтологическим основаниям этики и теории познания, а также к практикам работы над собой познающего (“преодоление центра субъективного ради центра безусловного”). Именно эти два связанных обращения – к объективному порядку и участию людей в его осуществлении – будут соотнесены с идеями современной эпистемологии об объективности как ценности и добродетели, понимаемой как преодолением субъективности (Daston, Galison). При этом будут показаны как границы истолкования идеи цельного знания В.С. Соловьева в контексте эпистемологии добродетели, связанные с религиозным характером этой идеи, так и возможности, предоставляемые именно специфическим характером отношения Соловьева к религии и его пониманием идеи Всеединства (Хоружий, Obolevitch).

Code, L. 1987. *Epistemic Responsibility*. Hanover, NH.

Daston, L., Galison P. 1992. The Image of Objectivity. *Representation*. No 40. P. 81 – 128.

Greco, J. 2002. Virtues in Epistemology. In *Oxford Handbook of Epistemology*. Ed. P. Moser. P. 287–315. Oxford – New York.

Obolevitch, T. 2010. All-Unity According to V. Soloviev and S. Frank. A Comparative Analysis. *Forum Philosophicum*. Vol. 15. P. 413–425.

Zagzebski, L.T. 1996. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge.

“Dostoinstvo znaniya kak problema sovremennoy epistemologii”. *Materialy “kruglogo stola”*. 2016. *Voprosy filosofii*. No 8.

Zen'kovskiy, V.V. 2001. *Istoriya russkoy filosofii*. Moskva.

Losskiy, N.O. 1991. *Istoriya russkoy filosofii*. Moskva.

Mochul'skiy, K.V. 1995. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie. In K.V. Mochul'skiy. *Gogol', Solov'ev, Dostoevskiy*. S. 27–101. Moskva.

Sviderski, E. 2000. Epistemologiya dobrodeteli Vladimira Solov'eva. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. Vol. 1/2. S. 164–179.

Khoruzhiy, S.S. 2005. Nasledie Vladimira Solov'eva. In S.S. Khoruzhiy. *Opyty iz russkoy dukhovnoy traditsii*. Moskva.

Zhanna Sizova

Association “Russian Culture”

THE IDEA OF BEAUTY IN PHILOSOPHY OF V. SOLOVIEV “BEAUTY IN NATURE” (1889) AND IN THE NOVEL OF Z. SMITH “ON BEAUTY” (2005). A COMPARATIVE ANALYSIS

The article discusses the similarity between V. Soloviev's understanding of beauty, and beauty in modern British writer Z. Smith. The issue is how one identifies absolute beauty in the context of personal salvation. What is the value of the notion of beauty in modern world? Does it have an existential meaning and some access to truth? The author attempts to address the issue by conducting a comparative analysis of two thinkers separated by more than a hundred of years.

Tatiana Sidorina

Higher School of Economics National Research University HSE

ЭСХАТОЛОГИЯ И УТОПИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.: ВЛ. СОЛОВЬЕВ И Н. ФЕДОРОВ

Историософские взгляды Вл.С. Соловьева прошли несколько этапов в своем развитии. В последние годы жизни Соловьев отказывается от проекта теократического государства. Его взгляд на философию истории становится эсхатологическим. В 1880-х гг. Соловьев обращается к построению теократической утопии. Свободная вселенская теократия мыслилась Соловьевым как идеальная форма организации общественной и государственной жизни человечества. От идеала теократической вселенской монархии Соловьев переходит к ощущению и ожиданию всемирной катастрофы и конца истории, после которого только и наступит тысячелетнее Божье царство.

Zen'kovskiy, V.V. 1991. *Istoriya russkoy filosofii*. Vol. 1. Leningrad.

Berdyayev, N.A. 1990. *Smysl istorii*. Moskva.

Bulgakov, S.N. 1993. Apokaliptika i sotsializm. In S.N. Bulgakov. *Sochineniya v 2 t.* Vol. 2. Moskva.

Russkaya filosofiya: Ocherki istorii. 1991. Moskva.

Chertkova, E. 1995. Utopizm. In *Russkaya filosofiya: Malyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva.

Serbinnenko, V.V. 1994. *Vladimir Solov'ev: Zapad, Vostok i Rossiya*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1989. Tri sily. In V.S. Solov'ev. *Sochineniya v 2 t.* Vol. 1. Moskva.

V.S. Solov'ev. 1989. *Sochineniya v 2 t.* Vol. 2. Moskva.

Volkogonova, O.D. 1992. *Russkaya religiozno-idealistskaya filosofiya XIX – nach. XX vv.* Moskva.

Aleshin, A.I., Fedorov N.F. 1995. *Russkaya filosofiya: Malyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva.

Russkiy kosmizm. 1993. Moskva.

Vladimir Sidorin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТИКЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА В ГЕРМАНИИ²

Владимир Соловьев – пожалуй, самая известная в европейском культурном пространстве фигура из истории русской философии. Но наибольший отклик философия Вл. Соловьева получила в Германии: именно там творчество русского мыслителя вызвало многолетний интерес как в философских, так и богословских кругах. Именно с Германией связан и выдающийся научно-исследовательский проект в области соловьевоведения, до сих пор не имеющий аналогов даже в России, – 9-томное критическое издание сочинений мыслителя (*Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew*) под редакцией В. Леттенбауэра, В. Шилкарского и Л. Мюллера (1954–1980). В рамках этого проекта не только был выполнен перевод и комментарий основных произведений Вл Соловьева, но и появилось множество исследовательских работ по тем или иным аспектам соловьевской философии: “*Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf der Grundlage der Sittlichkeit*” Г. Гэнтцеля (Hans H. Gäntzel, 1968), “*Der Russische Text der ‘Rechtfertigung des Guten’ von Vladimir Solov’ev*” Бруно Вембриса (Bruno Wembris, 1973) и др. Активные исследования в области философии Соловьева вели и Л. Венцлер (“*Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov’ev*”, 1978), Г. Дам (“*Vladimir Solov’ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie im Versuch einer vergleichenden Interpretation*”, 1971) и ряд других специалистов по истории русской культуры. После окончания проекта DGA, ухода из жизни или выхода на академическую пенсию представителей этого поколения исследователей русской философии, интенсивность немецкоязычных штудий философии Вл. Соловьева уменьшилась, позволяя тем не менее сохранять современной Германии лидирующие позиции в области европейского соловьевоведения. Рецепция и исследования продолжаются Д. Белкиным, Р. Решикой, М. Альтмайером, что позволяет говорить о новейшем этапе рецепции философии Вл. Соловьева в Германии.

Altmaier, M.B. 2014. *Vergöttlichung bei Vladimir Solov’ev und Lev Tolstoj. Ein Dialog, der nie geführt wurde.* Echter.

Belkin, D. 2007. “*Gäste, die bleiben*”. *Vladimir Solov’ev, die Juden und die Deutschen.* Hamburg.

Reschika, R. 2014. *Leidenschaft und Transzendenz – Wladimir Sergejewitsch Solowjows Philosophie der Geschlechtsliebe.* In *Ders.: Rebellen des Geistes. Sieben Profile.* Neustadt an der Orla. S. 145–198.

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00764 А.

Elena Takho-Godi

M.V.Lomonosov Moscow State University, A.M.Gorky Institute of World Literature
Russian Academy of Sciences

СОЛОВЬЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В “ФИЛОСОФИИ ЛЮБВИ” А.Ф. ЛОСЕВА

Доклад будет посвящен проблеме восприятия А.Ф. Лосевым “Смысла любви” Вл. Соловьева и воздействию соловьевских идей на собственную лосевскую концепцию “любви”, воплотившуюся не только в философском наследии мыслителя или в его художественной прозе, но и в его собственной жизни. В ходе выступления планируется также представить книгу: “Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева”. Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. Москва: Водолей, 2018. – 548 с. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия”. Вып. 2).

Takho-Godi, E.A. 2007. *Khudozhestvennyy mir prozy A.F. Loseva*. Moskva.

Takho-Godi, E.A. 2018. *Radost' stradaniya (filosofiya lyubvi A.F. Loseva)*. In *Filosofskie emanatsii lyubvi*. Red. Yu.V. Sineokaya. S. 118–147. Moskva.

Frederic Tremblay

University of Sofia “St. Kliment Ohridski”

ONTOLOGISM IN VLADIMIR SOLOVIEV

Vladimir Soloviev is often characterized as an “idealist.” In “Idealism in Russia,” for instance, David Bakhurst characterizes Soloviev as the “most significant thinker” of the “[i]dealism [that] flourished in Russia in the last quarter of the nineteenth century” (Bakhurst, 2003, p. 60). He more specifically characterizes his idealism as a “metaphysical idealism” (Bakhurst, 2003, pp. 61, 65, 66). Andrzej Walicki also refers to Soloviev’s philosophy as a “metaphysical idealism” (Walicki, 2015, p. 543). But these are mischaracterizations. Such epithets suggest that Soloviev was on the side of Kant, the German Idealists, and the Neo-Kantians, whereas in fact Soloviev was neither a Kantian nor an idealist in the proper sense of the term. In fact, Soloviev was both an ontological and an epistemological realist with regards to issue of the existence of the external world. In “The Reality of the External World and the Foundation of Metaphysical Knowledge” (“О дѣйствительности вѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія,” 1875), he argues that there is such a thing as a *Ding an sich* and that knowledge of it is possible. For him, “every phenomenon corresponds to a certain real being, independent of the representing subject” (Soloviev, 1875, p. 701). In “La Sophia: Principes de la doctrine universelle”, which he wrote in French in 1876 while in Cairo, Soloviev argues similarly that “[t]hrough external phenomena, we know internal phenomena, and through the latter, we know being” (Soloviev, 1978, p. 6). This includes the existence of the thing in itself, of other selves, of monads or atoms, of matter, of inorganic beings (rocks and minerals) and organic beings (veg-

etals, animals, human beings), artifacts, real relations between all these beings, values (moral and aesthetic), and the absolute principle or divinity. In this paper, I argue that Soloviev is on the side of ontologism, i.e., ontological realism, which regards to all these issues.

Bakhurst, D. 2003. Idealism in Russia. In *The Cambridge History of Philosophy*. Ed. Th. Baldwin. Cambridge.

Kavelin, K.D. 1875. *Aprionnaya filosofiya ili polozhitel'naya nauka? po povodu dissertatsii g. V. Solov'eva*. Sankt-Peterburg.

Soloviev, V.S. 1874. *Krizis zapadnoiy filosofii: protiv pozitivistov*. Moskva.

Soloviev, V.S. 1875. O deystvitel'nosti vneshnego mira i osnovanii metafizicheskogo poznaniya (otvet K. D. Kavelinu). *Russkiy Vestnik*. Vol. 117. No 6. S. 696–707.

Soloviev, V.S. 1896. Deiystvitel'nost' npravstvennogo poryadka. *Voprosy filosofii i psikhologii*. Vol. 31. S. 107–130.

Soloviev, V.S. 1978. *La Sophia et les autres écrits français*. Ed.F. Rouleau, Lausanne.

Walicki, A. 2015. *The Flow of Ideas: Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Tr. J. Kozak, H. Andrews-Rusiecka. Frankfurt am Main.

Viktor Troitskii

Library of History of Russian Philosophy and Culture "A.F. Losev's House"

VL. SOLOVIEV IN ESTIMATES AND JUDGMENTS OF VAS. ROZANOV: EXPERIENCE OF A HISTORICAL AND TYPOLOGICAL PORTRAIT

Estimated verbal "portrait" is taken from the numerous publications of V.V. Rozanov devoted to V.S. Soloviev which were made during philosopher's lifetime at the process of the diverse polemic with him and after his death. At the same time we will consider a support on V.V. Rozanov's opinions reasonable, referring to A.F. Losev's assessment: "Except Rozanov, there are very few people spoke about the Vl. Soloviev so neatly and so penetrating" (A.F. Losev. Vl. Nightingales. Moscow, 1994, p. 51). Rozanov's characteristics of Vl. Solovyev as personality, writer and philosopher are done and ordered here. The selection of specified characteristics is executed with the help of works of a number of the domestic researchers who touched the subject "Soloviev and Rosanov" in different periods of time: E. Gollerbakh, A. Losev, A. Nikolyukin, V. Fateev, A. Kozyrev.

Elena Tverdislova

Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences

ИДЕИ МЕССИАНСТВА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА КАК ПРОЕКТ РЕЛИГИОЗНОГО ВСЕЕДИНСТВА

Несмотря на то, что идеи мессианства у Соловьева берут свое начало в еврейской традиции, они обращены к Православной Церкви. Специфика взгляда философа в том, что он, не противопоставляя себя славянофилам, рассматривал Русскую Церковь как активного участника в деле Воссоединения Церквей – в соответствии со своим учением Богочеловечества в рамках единой философской системы как проект религиозного всеединства.

Solov'ev, V.S. 2000. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v dvadtsati tomakh. Sochineniya v pyatnadsati tomakh.* Vol. 1–2. Moskva.

Filosofskiy slovar' VI. Solov'eva. 1997. Moskva.

Solov'ev, V. 1886. Talmud i noveyshaya polemicheskaya literatura o nem v Avstrii i Germanii. *Russkoe Obozrenie.*

Kozhev, A. 2000. Religioznaya metafizika VI. Solov'eva. *Voprosy filosofii.*No 3.

Trubetskoy E. 1913. *Mirosozertsanie VI. S. Solov'eva v 2 tt.* Moskva.

Losskiy, N.O. 1991. *Istoriya russkoy filosofii.* Moskva.

Natalia Vaganova

St. Tikhon's Orthodox University

СОФИЙНЫЙ МИФ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА: ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ И ЭКЗОТЕРИЧЕСКАЯ ВЕРСИИ ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

К оформлению своего авторского софийного мифа Соловьев обращался несколько раз. Впервые он был изложен в раннем незаконченном трактате "София" (1875), наиболее насыщенном мифологическими интуициями, темами и сюжетами. В действительности в этом сочинении в сложные взаимоотношения вступают два слоя мифа, которые можно обозначить как внутренний и внешний. Первый изложен Соловьевым в основном тексте и носит, тем самым, внутренний (для текста) и экзотерический (функционально) характер. Следы другого запечатлены в виде медиумических маргиналий, фиксирующих мистическую связь создателя текста с некоей скрытой духовной реальностью. Этот уровень, внешний для текста, можно назвать эзотерическим, не предназначенным для публичного представления.

Оба мифа связаны двумя главными героями, действующими в обоих уровнях изложения – это автор-философ и София.

Соловьев как автор выступает здесь в нескольких проекциях: как “нормальный” философ и ученый-теоретик; как “сочинитель” в жанре философского диалога; как поэт-теософ а *la gnōstika*; как мистик-медиум, через которого канализируются связь с миром живых духов, выведенных во внутреннем мифе текста в качестве персонажей-протагонистов; наконец, в профетическом звучании, когда Соловьев примеривается к роли пророка-основателя и жреца-теурга будущей вселенской религии.

София, как другой сквозной персонаж мифа, раскрывается в тексте также не менее чем в пяти аспектах: как предмет учения, в котором она представляется субъектом становления внутри самой теории; как литературный персонаж диалогической части текста; в качестве одного из трех персонажей внутреннего космоургического мифа; как медиумическая Софиа, под “диктовку” которой на полях рукописи Соловьев делает записи автоматическим письмом; наконец как универсальное существо (субъект) будущей Вселенской религии.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Соловьев впервые представляет свой миф публично – сначала устно, в лекция о философии религии, а затем и в их печатном варианте, в “Чтениях о Богочеловечестве”. Теперь, при официальном выступлении, Соловьев стремился к большей дисциплинарной нормативности в языке изложения. Соловьевский миф, содержащийся в основном в Девятом и Десятом чтениях, в связи с этим, тщательно завуалирован философско-метафизическими построениями и не всегда поддается адекватной сепарации от этих оболочек. Напротив, той версии софийного мифа, которую Соловьев представил в ниге “Россия и Вселенская церковь” в 1889 году, версии наиболее развитой и сложной, он стремился придать легальный, очищенный от эзотерических мотивов, характер. Однако следы “внутреннего” мифа “Софии” фрагментарно различимы и здесь.

В завершающем разделе этого сочинения, имеющем название “Троичное начало и его общественное приложение”, Соловьев вводит три проекции одной и той же божественной деятельности: библейской Премудрости, души мира и Софии (Σοφία). Значение каждой из них могут быть поняты как отношение Бога и Его другого, разворачивающееся в троичной последовательности: сначала это веселие Божественной Премудрости (Притч 8:30–31), затем творение мира, где действует душа как “тварь и первая из всех тварей”, наконец, воплощение, которое мыслится как богочеловеческий космо-исторический процесс, истинным агентом и субъектом которого является стремящаяся к Всеединству София.

Темы, завершающие соловьевский труд, можно считать вполне логичными проекциями соловьевского мифа на соответствующие элементы его системы. Так, тройному воплощению Премудрости соответствуют три социально-антропологические идеи тройного служения человека в качестве священника (служение высшему миру, Богу), царя (служение низшему

миру) и пророка (служение богочеловеческому единению). Они соответствуют трем этапам “мессианических предвосхищений”: в природном человечестве до Христа, в явлении индивидуального Мессии-Христа и в грядущем мессианическом преображении всего человечества. Находя свою последовательную реализацию в истории и закрепляясь в социальной организации и религиозной традиции, эти этапы в действительности представляют собой продолжение теогонического процесса. Ему же соответствует и историческая триадология, становящаяся своего рода социальной теогонией, которая ведет от “природного человечества” к христианству как явлению “индивидуального Мессии в лице Иисуса Христа”, и переходу в грядущее “мессианическое преобразование всего человечества или развитие Христианского Мира”.

Мы видим, следовательно, что внутренний экзотерический миф основного текста “Софии” в творчестве Соловьева все больше приобретают характер эзотерического ядра, спрятанного под оболочками “легальной” метафизики. Одновременно “внешний”, маргинальный и эзотерический его слой, оставаясь в сфере личного мистического опыта, реализуется Соловьевым в сугубо экзотерической и наиболее открытой для публики части его творчества, в поэзии.

София, таким образом, является деятелем, присутствующим во всех слоях творимого Соловьевым мифа: она и реальный божественный агент, и его действующее лицо, более того – она-то и является его подлинной мистической и метафизической вдохновительницей, и через общение с ней в мифологический процесс, как ее избранник, входит сам создатель мифа. Можно сказать, что метафизика в версии Соловьева лишь в последнюю очередь представляется теорией, и в намного большей степени претендует быть спасительным гнозисом и смежным с ним религиозным праксисом, теургией. При этом обозначенная двойственность в структуре соловьевского софийного мифа является наиболее специфическим и существенным его свойством. Эзотерический его слой, связанный с медиумическими трансляциями и их мистическим источником, должен был открыть мифотворцу способ вступления в реальность будущей религии воплощенной Софии.

Kozyrev, A.P. 2007. *Solov'ev i gnostiki*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 2001. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v dvadtsati tomakh. Sochineniya v pyatnadsati tomakh*. Vol. 4. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1911. *Rossiya i Vselenskaya tserkov'*. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1997. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya*. Moskva.

Ksenia Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА:
В.С. СОЛОВЬЕВ И ИЕРОМОНАХ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)**

В результате петровской реформы церковного управления было закреплено нарушение православного принципа симфонии властей, который гласит, что если Церковь будет чиста и безукоризненна, а государство – справедливо, то наступит гармония, “доброе согласие”, “которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому”. Революционная по своей сути реформа Петра I нарушила каноничность управления Церкви: с упразднением патриаршества, церковная иерархия была обезглавлена. Сложившаяся система контроля государства над жизнью церкви спровоцировала общественную полемику и способствовала пробуждению интереса к теократическим идеям. Проблеме теократии были посвящены работы А.П. Лопухина, М.И. Богословского, Н.С. Суворова, И.С. Бердникова и др.

Еще до возникновения “католических симпатий” в “Философских началах цельного знания” Соловьев начинает проповедовать идеал свободной теократии, согласно которому Церковь должна одухотворять политическое начало. Соловьев в своей, вероятно, самой славянофильской статье (“О духовной власти в России”) пишет о том, что нравственная сила Церкви выше силы народной и власти государственной: Церковь освящает и волю народа, и деятельность государства, поскольку ведет государство и земство к высшей цели – водворению правды Божией на земле. Позднее к преобладанию духовной власти добавляется идея о соединении церквей, предполагающая слияние “Notre Dame de Paris с Кремлем”, то есть повиновение русского императора власти папы.

Согласно Соловьеву, Вселенская Церковь должна созидаться по образу и подобию триединого Бога. Задача Церкви – соединение человека с Богом в ее религиозной, политической и общественной сферах через троякое служение Христа: священника, царя и пророка. В церковном триединстве, как и в троичном Божестве, не может быть ни подчинения, ни смешения, ни разделения, ни соперничества, но есть различие в пределах одной сущности. Государство, считает Соловьев, подобно хлебу и вину во время евхаристии, может и должно пресуществиться “по существу и духу” в церковь, а природное человечество преобразиться в духовное. Цель истории заключается в спасении мира при свободном участии человечества через учреждения, постановления и законы, воссоединенного с Богом в полноте любви. Любовь, разбивающие границы эгоизма, должна преобразить отделенных индивидуумов в единый живой организм, в единое тело Бога.

Теократические построения Соловьева вызвали негодование, вражду и непонимание в российском обществе: проповедь Соловьева о примирении церквей была воспринята многими как “антинациональная утопия”, как измена православию.

О. Антоний, испытал влияние идей Соловьева, но впоследствии стал его непримиримейшим критиком. Для будущего митрополита было неприемлемо соловьевское понимание Церкви, согласно которому Церковь является не только религиозным союзом, но и учреждением, вбирающим в себя политическую и государственные сферы общественной жизни. Таким образом, выходит, что для Церкви недостаточно любви как ее основания, необходима также и юридическая справедливость. Для Соловьева христианство становится общественным и государственным институтом. Однако, как считает Антоний, далеко не все стороны общественной жизни, которые существуют в силу того, человек еще не сбросил с себя ризы ветхого человека, могут стать частью жизни Церкви. По мнению митрополита Антония, союз совестей, отличный от союза мирского, действующий чисто духовной силой единственный способен пересоздать общественный быт и нравы: смирение и отречение, являющиеся началами мира, правды и свободы. Только они способны улучшить общественную жизнь. Общественный переворот начался в тот день, когда был открыт людям закон смирения.

Antoniy (Khrapovitskiy). 2007. *Sobranie sochineniy*. Vol. 2. Moskva.

Solov'ev, V.S. 1966. О духовной власти в России. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 3. S. 227–242. Bryussel'.

Solov'ev, V.S. 1969. Russkaya ideya. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 11. S. 89–118.

Solov'ev, V.S. 1909. *Pis'ma*. Vol. 2. Sankt-Peterburg.

Solov'ev, V.S. 1969. Россия и Вселенская Церковь. In V.S. Solov'ev. *Sobranie sochineniy*. Vol. 11. S. 143–348.

Paraskevi Zacharia

Radboud University (Nijmegen)

NEOPLATONIC ASPECTS OF HUMAN PERFECTION AS ELABORATED IN VLADIMIR SOLOVIEV'S "THE MEANING OF LOVE"

According to Janusz Dobieszewski (2010) the contemporary European philosophy deprived the Neoplatonic thought. However, Russian philosophy seems to be the exception to this rule: not only continued to develop the Neoplatonic doctrines but also managed to integrate them in its philosophical and theological tradition. This paper presents the comparative analysis of philosophical ideas of V. Soloviev's *The Meaning of Love* and Proclus' *Commentaries on the Timaeus & Alcibiades*. The center of interest is the basic principles in their construction of the human perfection through love. The constitution of Proclus cosmic order through the principles of World-Soul, Time, Material world, depict actually human perfection (love-truth-faith) (Chlup, 2012). In *The Meaning of Love*, Soloviev reserves that metaphysical aspect of human perfection, which at the end is transformed into social/political need (Sutton, 1988). Moreover, the determined and formative role of Sophia (central concept in his work) via love is quite obvious: to guide humans to the transcendence of their individuality by surpassing their egoism. Thus to lead them into the perfection.

Moreover, the contribution of the two fold Proclean love (returning and providential, επιστρεπτικός έρωσ-προνοητικός έρωσ) (Rosan, 2009) meets essentially Soloviev's Sophia in the metaphysics of love: the attribute of providence for Proclus is exclusively divine (only god can provide for everything, theorem 120), while Soloviev expands this attribute by Sophia who provides for everything, squaring a divine characteristic par excellence that is closer to the concept of human soul in Neoplatonism. Furthermore, the Proclean notion of "return" (έπιστροφή) (Proclus, Elements of Theology, theorems 5 and 7) is implemented in Sophia's universal (cosmic) function: she returns without losing anything of her essence or energy (which means she is intangible) (Cioran, 1977). To disclose the specific character of cross-cultural synthesis the methods of historic-philosophical reconstruction and comparative analysis are being used in the present paper.

Chlup, R. 2012. *Proclus: an introduction*. Cambridge.

Cioran, S. 1977. *Vladimir Solov'ev and the knighthood of the Divine Sophia*. Ontario.

Dobieszewski, J. 2010. Neoplatonic tendencies in Russian philosophy. *Studies in East European Thought*. Vol. 62. No 1. P. 3–10.

Opsomer, J., Steel, C. 2012. *Proclus: Ten Doubts Concerning Providence*. London.

Sutton, J. 1988. *The Religious Philosophy of Vladimir Soloviev – Towards a Reassessment*. New York

Rosan, J.L. 2009. *The Philosophy of Proclus: the final phase of Ancient Thought*. London.

Regula Zwahlen

University of Fribourg

SERGII BULGAKOV AND THE CONCEPT OF THEOCRACY IN THE POST-CONSTANTINE ERA

After the Russian Revolution Sergii Bulgakov wrote in the American Slavonic Review in 1924: "The problem of theocracy in general, and of Russian Theocracy in particular, remains the central axis around which Russian religious thought moves." Inspired by Vladimir Soloviev's thought, "theocracy", the "kingdom of God on earth", and the idea of sacred power were among the most debated topics among Russian intellectuals of the Silver age and were to be continued by the Russian Orthodox Diaspora. In exile, they developed a "completely new understanding of the Kingdom of God on earth" (Antoine Arjakovsky).

Serge Bulgakov was a key figure in the debates about "theocracy" and in the course of his life he changed his mind quite a lot about the political order that best suits a Christian worldview. Hence, by following Bulgakov's intellectual journey after 1917, we can observe the development of a new concept of free theocracy "which implies the sanctification and transfiguration of the whole of life". As the Church in his view cannot renounce the ideal of theocracy, the ideal of God's powerful presence "in this

world”, it must detach the principles of theocracy in history “from absolutism, and somehow reconcile them with the principles of Popular Government. For the ideal of Theocracy is essentially a religious, not a political ideal.” What Bulgakov was trying to express was a political theology of “sacred power” in the post-Constantine era with democratic political systems. It was based on the concept of man as an image of God and the royal priesthood of all believers (1 Peter 2, 9).

Arjakovsky, A. 2013. *The Way. Religious Thinkers of the Russian Emigration in Paris and Their Journal, 1925–1940*. Notre Dame.

Bulgakov, S.N. Tserkov i demokratija (Rech', proiznesennaja na pervom vserossijskom s'ezde duhovenstva i mirjan 2 ijunja 1917 goda v Moskve).

Bulgakov, S.N. 1997. Christianskaja sotsiologija. In S.N. Bulgakov. *Trudy po sotsiologii i teologii*. Vol. 2. S. 528–565. Moskva.

Bulgakov, S.N. 1924. The Old and the New: A Study in Russian Religion. *The Slavonic Review*. Vol. 6. No 2. P. 487–513.

Gabriel, I., Papanikolaou, A., Stoeckl, K. 2017. Introduction. In *Political Theologies in Orthodox Christianity*. Ed. I. Gabriel, A. Papanikolaou, K. Stoeckl. New York.

Ionov, A. 2013. Rabota “Prazhskogo” perioda tvorcestva prot. S.N. Bulgakova “Staroe i Novoe” (k nachodke avtografa). *Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. Vol. 50. No 1. S. 85–128.

Losskij, N.O. 1925. Organicheskoe stroenie obshchestva i demokratiia. *Sovremennye zapiski*. No 25. S. 343–355.

Paromov, K.J. 2013. Religiozno-politicheskie iskaniia S.N. Bulgakova (1905–1917): ot “Antichristova samodержavija” k “teokratii Belogo Tsaria”. *Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. Vol. 55. No 6. S. 7–30.

Struve, N.A. 2000. *Bratstvo Svjatoj Sofii: Materialy i dokumenty 1923–1939*. Moskva – Paris.

EX ORIENTE LUX

NEW PERSPECTIVES ON RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS

BOOK SERIES EDITED BY ARTUR MRÓWCZYŃSKI-VAN ALLEN, TERESA OBOLEVITCH, AND PAWEŁ ROJEK

We believe that the Russian religious philosophy of the nineteenth and twentieth centuries has a great importance for Christian theology and philosophy. Russian thinkers, rooted in the tradition of the Church Fathers, avoided the theological dualism that so deeply penetrates Western thought. Such philosophers and theologians as Peter Chaadaev, Alexei Khomiakov, Vladimir Soloviev, Evgeni Trubetskoy, Pavel Florensky, Sergey Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Georges Florovsky, and Aleksei Losev developed unique views on the relationships between religion and culture, science, philosophy, and social life, which, unfortunately, are missing from contemporary Western debates. The pressing task is to include their legacy to the contemporary philosophical and theological discussions.

The series Ex Oriente Lux aims to meet this need. It serves as a way to bring Eastern Christian intuitions into the current post-secular philosophical and theological context. Each volume focuses on one Russian thinker and includes a selection of essays on his main ideas in historical and contemporary perspectives. The books are prepared by both Western and Russian scholars, thus creating a space for intellectual dialogue.

The series come out of research connected with the annual conferences on Russian religious philosophy held in Krakow, Poland.

Previous Volumes

Beyond Modernity: Russian Religious Philosophy and Post-Secularism

Peter Chaadaev: Between the Love of Fatherland and the Love of Truth

Volume in Print

Alexei Khomiakov: We Are Sobornost'

Subsequent Volumes

Evgeni Trubetskoy: Icon and Philosophy

Vladimir Soloviev: The Metaphysics of Love

The Series is published by Pickwick Publications, an imprint of Wipf and Stock Publishers
wipfandstock.com

**KRAKOW
MEETINGS**